

ЕЛЕНА ТЮРИНА

18+

Наследники графа
Том III
КРИСТИАН

Елена Тюрина

Наследники графа. Кристиан

«Автор»

2017

Тюрина Е. А.

Наследники графа. Кристиан / Е. А. Тюрина — «Автор», 2017

Ребенком его похитили пираты и продали японскому князю. Он мог стать бесправным рабом или утехой для скучающих аристократок. А господин вырастил из европейского мальчика искусного воина и верного самурая. Потомок французских дворян навсегда попрощался с мечтой покинуть Страну Длинных Луков, вновь увидеть мать и младшую сестру. Однако судьба непредсказуема. Скрываясь от гнева сёгуна и спасая юную княжну, Ихара Касэн вернётся во Францию, снова станет Кристианом де Брионе, найдёт своих близких. Но сможет ли юноша, воспитанный в строгих японских правилах, занять достойное место при дворе Людовика XIV, где царят роскошь и свободные нравы, где его воинское мастерство используют для развлечения толпы, и где сам он – странный чужак? ПРИМЕЧАНИЕ: Название изменено. Ранее книга называлась "Лучник".

© Тюрина Е. А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Пролог	5
Глава I Страшная ночь	8
Глава II Дом у лotosового пруда	13
Глава III Странствующий осенний ветер	18
Глава IV Тетушка Шинджу	22
Глава V Лань и волчица	27
Глава VI Суеверие о женщине на корабле подтверждается[1]	32
Глава VII Порт Гавр, переговоры с французами и побег	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Тюрина

Наследники графа. Кристиан

Пролог

1662 г. Алжир

В очаге пылал огонь, и это, если не считать одинокой чадившей сальной свечки, был единственный источник света. Старик-алжирец поглядел на забившегося в угол комнаты мальчика, а затем перевел взгляд на сидевшего перед ним мужчину.

– Из команды никто не выжил, – говорил тот. – Только мальчишка.

Ребенок настороженно посмотрел на мрачного бородатого человека за столом. Тот был среднего роста, но очень широк в плечах. Волосы его были заплетены в тонкую косицу, перевязанную кожаным шнурком. Мальчик не понимал ни слова на арабском, но догадывался, что этот мужчина врет. Остальных просто перебили пираты, напавшие на корабль у берегов Алжира.

– И что же вы решили делать с ребенком? Судя по одежде, он знатных кровей.

– Он все время молчит, поэтому узнать, кто он, вряд ли удастся. Продам мальчишку какому-нибудь купцу. Или в услужение, или для улады, парень-то смазливый, несмотря на шрам на щеке.

Старик, слушая это, снова покосился на мальчика и недобро усмехнулся.

За стенами старого глинобитного дома, каких ни счесть в любой алжирской деревне, бушевал ветер. Шторм на море еще не утих, и сюда доходили его зловещие отголоски, похожие на вой и стоны. Пламя в очаге металось на сквозняке, тихо потрескивая. Искры от него улетали в отверстие в плоской крыше и растворялись в темноте.

Мальчик, которому совсем недавно исполнилось девять, старался не плакать. Он все думал о матери, сестренке, отчине оставшихся во Франции. Они решат, что он умер, мать будет оплакивать его, корить себя, что отпустила сына в плаванье вместе с герцогом де Бофором, в пажи которому он был отдан. Он представил полные слез глаза младшей сестры Софии и замкнутое суровое лицо отчима...

С этого года Бофор командовал французским флотом на Средиземноморье. Герцог во всеуслышание заявил, что вскорости избавит эту территорию от мавров и турок, считавших себя здесь хозяевами. Он предпринял поход в Алжир, против берберийских пиратов, и хотя до сих пор флот под его командованием одерживал победы над пиратскими кораблями, сегодня одному из французских судов не повезло – из-за шторма его отнесло далеко от эскадры и пираты сумели захватить корабль. Так вышло, что маленький паж, всегда находившийся при герцоге, в этот раз оказался на другом судне, капитан которого обещал рассказать о Новом Свете, где ему посчастливилось побывать. Мальчик хотел узнать как можно больше о краснокожих, поэтому уговорил своего покровителя отпустить его на этот корабль. И поплатился за свою любознательность.

Ребенок вздохнул, крепче обнимая колени. Пройдут годы и его лицо сотрется из памяти близких... Если только ему не удастся вернуться!

Слушая разговор старика и одного из пиратов, похитившего его с корабля вместе с золотом, ценностями и оружием, мальчик думал о том, что обязательно вернется домой. Ему не пристало бояться и молить о пощаде. Он был не просто напуганным мальчишкой. Он – потомок сеньора Ангеранна де Куси, французского военачальника, великого кравчего и маршала

Франции[1]. Он Кристиан Поль де Брионе – наследник двух графов! После того, как родной сын графа де Варда Симон-Донатан в возрасте трех лет умер от дифтерии, тот принял решение сделать своим наследником пасынка. Мальчику досталась также значительная часть состояния и земель деда по материнской линии. Таким образом, Кристиан Поль де Брионе являлся обладателем череды титулов и имен, полный список которых в документах занимал несколько строк.

– А пока нужно его покормить, – заметил пират, кивая в сторону плененного ребенка. – Если он заболеет или умрет, я ничего не выгадаю. Мне нужно, чтобы за него хорошо заплатили. Красивые европейские мальчики высоко ценятся в Азии.

Парнишка с аппетитом поел ячменных лепешек и фиников, и вскоре, сморенный усталостью и волнениями, заснул.

Неодобрительно покачивая головой, алжирец подошел к занавеске, за которой находилась лежанка, одернул ее и посмотрел на спавшего ребенка. Мальчик явно не из робких. После всего, что с ним случилось, он должен был бы биться в истерике, но сон его был глубок и безмятежен. Он еще не ведал о том, какая судьба ему уготована.

– В страшные времена мы живем... – пробурчал старик. – И на земле, законы и обычаи которой слишком жестоки...

Утром, когда по узкой тропке его привели к берегу, Кристиан тщетно высматривал на спокойной серебристой глади Средиземного моря эскадру герцога де Бофора. Вокруг за много миль не было ни одного судна... А вот корабль, на котором ему теперь суждено будет плыть, выглядел очень необычно. С раннего детства получавший хорошее образование, мальчик немного разбирался в морском деле, мог отличить фрегаты разных рангов, знал устройство испанского галеона и английского линейного корабля. Но судно, которое он видел сейчас перед собой, было для него в диковинку.

– Что это за корабль? – спросил Кристиан у человека с косицей.

Тот удивленно поглядел на ребенка. За все время, прошедшее с момента нападения на французов, он не произнес ни слова, и бербериец уже было решил, что мальчик немой.

– Так ты говоришь! – воскликнул он, а затем добавил: – Это японское судно.

– Мы поплывем на нем?

– Ты поплывешь на нем, – поправил пират.

– Куда?

– В Канадзаву.

– Это далеко? Нужно долго плыть?

– Да.

Мужчина внимательно смотрел на мальчика. Тот оказался гораздо сообразительнее и бесстрашнее, чем он думал.

– Я не знаю японского, – нахмурился Кристиан.

– А какой язык ты знаешь?

– Дома я изучаю английский, испанский и латынь.

Пират хлопнул себя по бедру. За этого мальчишку он мог бы выгадать намного больше, а получил лишь жалкий мешочек с серебром! Теперь он догадался, что тот хитрый японец Нисимур лишь взглянув на ребенка, понял, что это хороший товар, потому и так спешил оформить сделку.

Всхлипы и плач, раздавшиеся позади, заставили их оглянуться. К берегу по тропинке, словно стадо овец, гнали женщин и детей. Людей загоняли на борт и приказывали молчать, однако вой не утихал. Вскоре и Кристиану пришлось подняться на корабль. Когда судно стало отдаляться от берега, мальчик, прищурившись, глядел вдаль. Он старался запомнить все в мельчайших деталях, и еще понять, где же, в какой стороне находится Франция... Где теперь его гувернер, всегда бывший с ним в этом походе? Ищет ли его герцог Бофор, или решил,

что виконт погиб? Что он скажет его родителям? Этого мальчик, быть может, уже никогда не узнает.

[1] Ангерран VII Коричневый (фр. Enguerrand VII le Brun; ок. 1339 – 18 ноября 1397) – сеньор де Куси, де Марль, де Ла Фер-д'Уази, де Креси-Сюр-Сер и де Монмирай с 1346 года, 1-й граф Бедфорд в 1366—1377 годах, граф Суассона с 1367 года, французский военачальник, великий кравчий Франции и маршал Франции.

Глава I Страшная ночь

1671 г. Япония, Канадзава

Когда рождается дитя, весь мир отходит на второй план. Политические противостояния и военные кампании, также как и мелкие семейные дразги, кажутся сущими пустяками по сравнению со столь великим событием. Именно об этом думал Изаму Иоири[1], чье княжество Канадзава в богатстве не уступало владениям самого сегуна Токугавы Иэцуна[2], когда его супруга Айяно трудилась над тем, чтобы произвести на свет наследника. Ей было уже за тридцать, и это была долгожданная беременность после долгого перерыва. Первую дочь Ману Айяно произвела на свет четырнадцать лет назад и с тех пор не беременела.

Как только супруге кага-хана пришло время разрешиться от бремени, в Канадзаву стали съезжаться многочисленные родственники. В основном это были женщины. Приезжали они в носилках, и рассмотреть их было почти невозможно. Но когда они ступали на землю и мелкими семенящими шажками направлялись к дворцу князя Иоири, являвшемуся величественным сооружением, выстроенным из камня и дерева, то выяснялось, что ни одну из них нельзя было назвать молодой или старой, дурнушкой или красавицей. Вот, наконец, явилась Шинджу Хоши – сестра супруги кага-хана. Стройная, естественная и по-настоящему красивая. Ее щегольское одеяние было выполнено из оранжевого, бледно-желтого и белого атласа. Такой жеманнице не пристало одеваться скромно. Платье украшал пояс из бархата и пурпурная кайма по подолу, а голову женщины покрывала повязка, которую носят обычно при дворе. За ней ступала Ясу – девушка лет шестнадцати, живая, подвижная, что было несколько нехарактерно для знатных японок. Следом шла целая толпа служанок и телохранители. Мимо Маны тетка и кузина проплыли с высокомерным видом, лишь чуть кивнув дочери князя. Но ту, кажется, мало заботило отношение к ней родственниц. Нужно было поторопить служанок, чтобы принесли горячую воду, потому что ребенок вот-вот должен был появиться на свет. В отличие от кухни девочке некогда было расхаживать, задрав нос, ведь пока мать не может выполнять обязанности хозяйки, они ложатся на нее.

Однако это вовсе не значило, что Мана в чем-то уступала заносчивой Ясу. Сама девочка была равнодушна к своей внешности, но черты ее лица были безупречны. У нее была нежная кожа, маленькие губки, изящной формы нос, длинные пальцы рук и миниатюрные ножки. А в глазах блеснул ум. Через несколько лет она обещала стать молодой женщиной, которую на погибель мужчинам природа наделила небывалой красотой. И, несмотря на множество несколько нехарактерных для дочери знатного семейства обязанностей, которые девушка сама на себя взвалила, было видно, что в семье ее очень берегут.

Мана быстро бежала по двору, от чего ее свободно спадавшие назад волосы развивались, а верхнее платье из атласа серого цвета, расшитое рисунком в виде воробьев, поднималось, открывая подол среднего лилового и нижнего желтого платьев. Пестрый пояс ее был повязан так, чтобы грудь оставалась открытой, что давало больше простора для движений. Высокое происхождение девушки выдавал нарядный гребень, усыпанный драгоценными камнями, небрежно воткнутый в волосы на макушке.

Ихара Касэн, один из самураев ее отца, стоял у двери, грозный и неподвижный в своем воинском облачении. Рука его лежала на рукояти катаны. Мана, пробегая мимо, покосилась на юношу. Тот не повернул лица в ее сторону, но бывало, что они обменивались не только взглядами, но и словами. Хотя обычно Ихара был очень молчалив и сдержан. Мана любила рассматривать его лицо. Оно было необычное – кожа светлее, чем у местных жителей, подбородок уже, скулы четко очерчены, нос прямой и аккуратный, губы чуть пухлые. Но самое

главное – глаза! Они не были узкими, а наоборот, большими, светлыми. Его лицо не портил даже шрам на щеке. Не похоже, чтобы он был у юноши с рождения. И нанесен не оружием. Это скорее был след рваной раны. Иногда девушка думала, что же могло случиться с этим молчаливым молодым мужчиной когда-то. Ах, как же ей хотелось потрогать его густые, заплетенные в косу, темные волосы. Они выглядели очень мягкими. Но никогда в жизни она бы не посмела позволить себе большего, чем просто заговорить с ним или улыбнуться. К тому же однажды ей предстоит выйти замуж, и ее с раннего детства приучили заботиться о своей репутации. Она дочь кага-хана! Пусть и ведшая хозяйственные дела, и даже порой работающая не меньше прислуги. А он просто воин.

– Я нянчила ее в детстве. Увы, она была единственным ребенком, которого моя госпожа подарила своему супругу. Но теперь родится мальчик! – говорила одна из приближенных к Айяно женщин ее сестре.

Тетка надменно глядела из окна на деловито суетившуюся во дворе Ману. Ее собственная дочь в это время занималась тем, что рассматривала альбом с рисунками, принадлежавший Айяно Иоири. Шинджу улыбнулась краем рта, мысленно отмечая, что ее Ясу гораздо породистее и утонченнее этой девчонки.

... Несмотря на суматоху, царившую во дворце, Ихара вновь решил поговорить с господином. Тем более что Изаму сейчас казался как никогда спокойным и благодушным. Князь сидел на балконе дворца и глядел на видневшийся внизу, у подножия возвышенности, на которой стоял дворец, город – его владения.

Касэн неслышно, как могут только самураи, подошел к богато украшенному креслу кага-хана и после того, как тот кивнул ему, присел рядом на небольшую скамейку.

Когда юноша начал говорить, от волнения с ним произошло то, что всегда бывало в таких случаях. Буквы отчего-то не хотели формироваться в слова, будто специально цепляясь за язык. После нескольких попыток что-то сказать, Ихара замолчал, и его лицо стало напряженно-замкнутым. Он отвернулся в сторону.

– Я понимаю, чего ты хочешь... – медленно произнес Изаму Иоири. – Ты мне как сын, Ихара. Потому я сделал тебя не рабом, я сделал тебя самураем. За всю историю Японии лишь несколько европейцев были удостоены такой чести. Ты воин! А кем ты будешь там? Ты помнишь своих родителей, помнишь кто они? Прошло почти десять лет. Тебя давно мысленно похоронили. И многое там изменилось с тех пор. Поэтому я не отпускаю тебя.

Затем князь рассказал, что скоро ему предстоит отправиться в долгий поход, и Ихара будет сопровождать его. Изаму угнетало, что чем старше становился юноша, тем больше он рвался в те чужие земли, откуда его привезли мальчишкой. Разве мог он что-то помнить? И разве было на земле место, более благословенное, чем княжество Канадзава?

Вечером Ихара достал свои записи, открыл их и стал просматривать. Когда-то, в своей прошлой жизни, он не очень любил учиться и, как и все дети, не мог усидеть на месте. А сейчас усвоенные тогда и уже почти стершиеся из памяти слова из разных языков, исторические факты, отрывки литературных произведений были единственными зацепками, были всем, что у него осталось от той жизни, всем, что он привез с собой в этот мир девять лет назад. Юноша нахмурился, напрягая память, и прошептал несколько слов на латыни. Это был отрывок католической молитвы. Здесь, в Японии, где все христианское подвергалось жестокому гонению, где были разорваны все связи с внешним миром, за эти слова, за этот язык и просто за воспоминания его могли бы не раздумывая казнить. Поэтому никто, ни одна живая душа не ведала, что он берег эти воспоминания...

Наследник князя Изаму Иоири, будущий владетель Канадзавы, родился на закате. Это был здоровый крупный младенец, в котором гордый и счастливый отец сразу узрел будущего воина и сильного правителя.

Дворец постепенно затих. Но спокойствию и умиротворению, которые обещала эта ночь, не дано было продлиться долго...

***

Последний обход дворца перед наступлением ночи Ихара провел в сопровождении нескольких воинов.

– Он красив, – сказала Шиндзу, провожая самурая взглядом.

Они с дочерью перед сном решили прогуляться по террасе и насладиться вечерней прохладой и ароматом цветов.

– Как он может быть красив, если он не японец? – удивилась Ясу.

Девушка даже сморщила носик.

– Ты еще такая глупая, дитя мое, – усмехнулась госпожа Хоши.

Худощавый, но довольно рослый по сравнению с другими самураями, Ихара всегда привлекал взгляды. Случалось, что к Изаму Иоири специально приезжали знатные японцы и их жены, чтобы поглазеть на европейца. Но Ихара обычно делал вид, что не замечает столь повышенного интереса.

К слову, шитая специально для него одежда великолепно сидела на юноше. Самураи отличались от остального населения Японии особым платьем, которое имели право носить лишь представители сословия воинов. В повседневной жизни это был плечевой халат кимоно, широкие, похожие на юбку штаны хакама и накидка хаори. Обычно одежда самурая выполнялась в темном цвете. Европейской внешности Ихары это особенно шло, создавая контраст со светлой кожей и зелеными глазами. А во время торжественных церемоний, нередко проходивших во дворце Иоири, когда самураи должны были надевать парадный костюм, включавший накидку без рукавов – катагину, Ихара выглядел еще более роскошно, потому что благодаря накрахмаленной ткани одежды казался значительно шире в плечах.

Слов госпожи Хоши самурай не слышал, его взгляд отрешенно скользнул по женщинам, лишь чтобы убедиться, что все в порядке. Затем он взглянул вверх – караульные были на местах. Юноша удовлетворенно кивнул самому себе и отправился спать.

... Касэн услышал шум одним из первых. Даже не услышал, а скорее почувствовал – что-то случилось. Он открыл глаза и сел, прислушиваясь. Была глубокая ночь. И вот в тишине за окном блеснуло зарево факелов. Спросонья мелькнула догадка – на дворец напали. Через несколько секунд самурай, уже облаченный в кимоно и латы, держал в руках катану. Слуги, тоже почуввавшие неладное, метались по коридорам и комнатам. А нападавшие больше не скрывали своего присутствия. Повсюду слышался топот, звон металла, испуганные крики. Как им удалось настолько бесшумно и незаметно подойти к дворцу, что их не обнаружила несшая караул стража? Почему не подняли тревогу лучники? В этом он разберется потом. Сейчас нужно было найти господина. Ихара спешил туда, где располагались покои князя, отражая на ходу удары мечей. Изаму он увидел сражающимся. Того теснили несколько нападавших, и самурай подоспел как раз вовремя. Вместе они смогли отбиться. Пользуясь передышкой, тяжело дыша, князь Иоири повернулся к своему воину.

– А теперь найди мою дочь и увези ее!

– Но я должен быть с вами!

– Я приказываю тебе!

Приказ господина для самурая был законом, поэтому Ихара больше не спорил. Он бросился в дальнюю часть дворца – женские апартаменты. И спустя несколько минут уже за руку тащил упирающуюся Ману по запутанным коридорам. Нужно было спешить. Они и так замешкались, пока девчонка для собственной безопасности переодевалась в мужское платье. В эту

часть здания неизвестные наемники еще не добрались, поэтому пока они могли идти, не скрываясь. Но вскоре Ихара услышал глухой гомон и увидел, как один из незнакомцев, пользуясь суматохой, попытался запихнуть в мешок золотое блюдо. Самурай не останавливаясь, на ходу отрубил ему руку. Кисть с хлюпающим звуком упала на пол. Мана вскрикнула и зажала рот ладонью. Ее передернуло от омерзения. Все это было похоже на страшный сон...

Следующая увиденная ими картина была еще более отвратительна. Тетка Маны, красавица Шинджу лежала на полу в обрывках своей роскошной одежды, а вокруг толпились чужаки. Один и за них удовлетворял свою похоть, другие ждали своей очереди. Откуда-то тащили ее дочь Ясу, которую, очевидно, ждала та же участь. Как и всех находившихся во дворце благородных дам и служанок. Известны случаи, когда опьяненные безнаказанностью японские воины могли сутками скопом насиловать попавших им в руки женщин. Некоторых так замучивали до смерти.

– Нужно помочь! – взмолилась Мана, в ужасе глядя на происходящее.

– Мы не можем задерживаться. Не смотри туда, идем.

Ихара понимал, что если защитники дворца не отобьются, то все погибнут или будут взяты в плен. А дворец сожгут. Ему нужно было выполнить приказ князя. Тот сказал только о дочери, значит, о жене и новорожденном сыне позаботился сам. Ну что ж, Ихара выполнит приказ.

Наконец они запрыгнули в седло. Мана устроилась за спиной самурая. Словно вихрь, ничего не замечая на своем пути, сбивая с ног оказавшихся на дороге людей, кому-то с хрустом ломая кости, верный боевой конь вырвался за ворота и помчался в ночь. Стиснув зубы, Ихара подстегивал жеребца. Скакун нес их за город по старой заброшенной дороге. Ею давно не пользовались, но юноша знал все тропки вблизи дома господина, прекрасно ориентировался по близлежащим холмам, рощам, мог с любого места определить, в каком направлении располагается дворец. Первой мыслью самурая было укрыться в усыпальнице, вблизи которой как раз проходила эта дорога. Но потом он решил, что там они могут оказаться в ловушке, поэтому Ихара свернул в лес, за которым находилось открытое место. В поле их могут увидеть, если они разведут огонь, но при этом враги не смогут подобраться к ним незамеченными. Лошадь с разбега влетела в воду протекавшей недалеко от дворца реки.

Преследователей не было видно. Скорее всего, в суматохе на их побег никто не обратил внимания. И все-таки юношу грызла тревога. Вместо того чтобы биться там, защищая господина и его владения, он сейчас бежит подальше от места боя... Свой лук он отдал Мане. Девушка стреляла довольно метко и смогла бы пустить стрелу в того, кто бросился бы за ними в погоню. Сам же Ихара одной рукой и коленями правил конем, а другой держал наготове меч.

Остановились они лишь через несколько долгих часов непрерывной скачки. Вокруг было безбрежное поле и нигде не было видно хоть какого-то признака человеческого присутствия. Теперь можно было пустить коня шагом. От усталости и страха девушка буквально лежала на спине самурая, тихо всхлипывая и дрожа всем телом.

– Мама, отец... Что теперь будет? – шептала дочь кага-хана.

Ихара же, снимая ее с лошади, казался величественным и спокойным.

– Я должен быть там, я должен сражаться, – говорил, будто сам себе он.

Взгляд его то и дело обращался к западу, откуда они сюда прискакали. Самурай ждал самого страшного – увидеть в той стороне зарево пожара. Но к счастью пока небо вокруг было иссиня-черным, сверкавшим точками звезд.

В поле оказалось довольно холодно. Мана наверняка совсем озябла. Ихара решил развести небольшой костер. Теперь, когда в ушах уже не шумел ветер, как всегда бывает при бешеной скачке, он услышал странный писк. Будто какое-то животное поблизости издавало его. По тому, как он склонил набок голову, прислушиваясь, и каким вопросительным стал его взгляд,

Мана все поняла. Сняв с плеч вещевой мешок, девушка раскрыла его, и самурай от неожиданности отпрянул.

– Это мой брат, – сказала юная японка, словно он сам не видел младенца.

[1] Изаму Йоири – полностью вымышленный персонаж. В период Эдо действительно существовало удельное княжество Канадзава, основателем княжества стал крупный военачальник Маэда Тосииэ. Его потомки и управляли княжеством до 1871 г.

[2] Токугава Иэцуна (7 сентября 1641 – 4 июня 1680) – 4-й сёгун Токугава. Правил с 1651 по 1680 год.

Глава II Дом у лотосового пруда

Ихара был поражен. Неужели Мана столь безрассудна, что взяла с собой новорожденного ребенка? В этой их сумасшедшей скачке он мог просто не выжить. И чем его кормить? Малыш сначала заснул, но теперь не переставал хныкать. Девушка смачивала ему губки водой из фляги. Но этой влаги не хватало им самим, чтобы напиться. Нужно было искать воду, а лучше деревню, где и их и ребенка могли бы накормить.

Утро не принесло изменений. Мана открыла глаза и увидела сидевшего у затухающего костра самурая.

– Ты что, так и не сомкнул глаз? – удивилась она. – Поспи.

– Нужно искать еду и в-воду, – он кивнул в сторону младенца.

Тот спал, прижавшись к девушке и мирно посасывая вымоченную в воде, скрученную в узел тряпочку.

Послышался звук далекого грома. Нужно идти, иначе гроза застанет их в поле. Теперь они двигались не спеша, внимательно оглядывая окрестности. По лицу воина то и дело пробежала тень. Он был погружен в раздумья. Ихара размышлял над тем, кто же это был, кто напал на дворец? И пришел к выводу, что это люди Токугавы. Все удельные князья Японии разделились на сторонников и противников сегуна. Противников, в число которых входил и князь Иоири, правитель жестоко приструнял.

Погруженный в эти мысли, самурай не замечал встревоженного взгляда своей спутницы. Застенчивая девочка-подросток, она впервые в жизни оказалась наедине с мужчиной. И к тому же ее беспокоило, что же случилось там, во дворце, и что им делать дальше. Только мысли ее были гораздо более наивны, чем у молодого человека. Здесь, посреди поля, они с Ихарой и ребенком казались ей крошечными букашками на спине огромного, тяжело дышащего животного. Все вокруг пугало и заставляло быть постоянно настороже. Мане хотелось вернуться, увидеть отца и мать. Но Касэн, похоже, не собирался пока этого делать.

Ихара... Она с самого детства выделяла его среди других окружавших ее мужчин. Словно судьба указывала ей на него. Но она всегда знала, что он ей не ровня и вместе им никогда не быть. Он тоже это знал. Да и вряд ли когда-нибудь думал о ней – так считала дочь князя. А недавно отец начал подыскивать ей женихов. В шестнадцать лет ее должны были выдать замуж. Пока Мане казалось, что это будет еще не скоро, и она не воспринимала всерьез речи Изаму о ее грядущем замужестве.

– Расскажи, как ты стал самураем, – вдруг попросила девушка.

– Я не выбирал, кем б-быть, – ответил Ихара. – За меня это решил твой отец.

– Почему?

Касэн не ответил. Не говорить же ей, что когда она была еще совсем малышкой, ее отец купил его, как раба, потому что хотел добавить блеска своему и так высокому положению. Это жало всегда будет сидеть в нем... Раб-европеец – диковинка, которой можно хвастаться. Но Изаму, у которого тогда не было собственного сына, быстро привязался к мальчику и решил его судьбу иначе. Тем более что он видел – ребенок хорошо образован, умен и сообразителен.

– Я как п-перо на ветру, п-потому что не знаю, кто я есть. Передо мной лежат два пути – один исхожен, второй еще нет. От того, какой я выберу, зависит моя дальнейшая жизнь, – тихо и задумчиво произнес Ихара.

Но эта фраза ничего не объяснила дочери князя, а лишь сделала в ее глазах самурая еще более странным и загадочным юношей.

По левую сторону от дороги показалось какое-то селение. Но к удивлению девушки, самурай не свернул туда, а направил коня в противоположном направлении. Кажется, он точно знал, куда нужно ехать. Лишь когда они оказались достаточно далеко от крестьянских домов, Ихара спешился, сказал ей ждать здесь, а сам направился в деревню. Вернулся он с кувшином козьего молока, детским молочным рожком и рисовыми лепешками. Наконец-то удалось накормить младенца, который сразу заснул.

Путники продолжили движение. Вскоре Мана задремала, прижавшись щекой к спине своего спасителя и охранника. Но через некоторое время изменившийся стук копыт коня разбудил ее.

– Мы выехали на д-дорогу, – не оглядываясь, ответил Ихара на ее вопрос.

Теперь опасность возросла. На дороге можно встретить кого угодно. И хотя у Ихары при себе меч и лук, его положение в случае боя очень усложняли Мана и ребенок. Гром, грозно клекотавший где-то позади весь день, все-таки нагнал их. Уже начинало темнеть, когда погода сильно испортилась. Небо вспыхивало молниями то там, то тут. Вся природа тяжело дышала грозой, словно усталый хищный зверь.

Мана заметила, что Ихара направил коня в сторону, – по тропинке, ведущей в лес. Но как оказалось, это был не просто лес, а скорее ухоженный большой сад. Здесь был даже лотосовый пруд! Откуда такая красота в столь отдаленном месте? Деревянный дом, который увидела девушка из-за плеча самурая, был довольно небольшой, аккуратный. Он утопал в зелени и цветах, запах которых окутывал все пространство вокруг здания и внутри него.

Встретившие их слуги, кажется, совсем не удивились приезду самурая. Мана даже подумала, что они хорошо знают его.

Девушку завели в дом и оставили в одной из комнат. Она слышала, как снаружи Ихара говорил с кем-то приглушенным голосом. Он периодически слегка запинаясь, поэтому Мана и сделала вывод, что говорит именно ее спутник, хотя и не разобрала ни одного слова.

Затем вошли служанки, забрали младенца. Девушка заметила, что с ней обращаются также, как дома, значит, знают кто она. Не опасно ли это? Где же Ихара? Стараясь сохранить спокойствие, Мана, пока ее освобождали от мужской одежды, обмывали ее тело душистой водой, и облачали в розовое кимоно, постоянно оглядываясь к двери. Но оттуда никто не появлялся, кроме сновавшей вокруг нее прислуги.

Только когда туалет девушки был окончен, перед ней появилась хозяйка этого удивительного места. Дочь кага-хана с ужасом осознала, что оказалась в доме гейши. Перед ней стояла невероятно красивая молодая женщина. Лицо ее было почти кукольным, а из замысловатой прически торчало множество палочек-шпилек. Шелковое кимоно украшал рисунок в виде танцующих журавлей, а пояс был завязан уникальным способом, что являлось главной отличительной чертой женщин, в совершенстве владевших искусством Эроса.

И хотя хозяйка поклонилась ей, приветствуя дочь владельца этих мест, Мана почувствовала себя скованно рядом с такой роскошной красавицей. Потягаться с ней могла бы только тетушка Шинджу, но кто знает, что с ней теперь стало...

Амайя Кин – так звали приютившую их женщину. Рядом с хозяйкой неподвижно стоял Ихара. Без доспехов и оружия он сейчас выглядел не так внушительно. Таким его дочь князя Иоири никогда не видела. Темные волосы, теперь не стянутые в косу, а свободно лежавшие на плечах, оказались довольно длинными и к тому же слегка вились. Нижняя часть лица чуть потемнела от проросшей щетины. У японцев растительность на лице была явлением гораздо более редким, чем у европейцев, и вообще считалась признаком варварства. В начале века власть в стране захватил Токугава Иэясу. Теперь, в эпоху Эдо, когда правил его потомок, было принято ходить с выбритыми щеками и подбородком. Ману удивило, как украшает эта странная растительность Ихару, делая его светлые зеленые очи еще ярче.

Поздней ночью Мана открыла глаза и услышала отдаленные звуки флейты-фуэ – одного из излюбленных инструментов гейш, а также нежный женский смех. Заглушила эти звуки наконец прорвавшая небо гроза. Девочка зажмурилась, чувствуя, как глаза отчего-то наполняются слезами обиды. Ее юное сердечко впервые уколола когтями ревность...

***

Устрашающего вида человек с мечом наперевес сгреб в охапку Амайю и зажал ей рот. Это было первое, что увидел Ихара, открыв глаза. Его тут же схватили несколько рук и прижали к футону[1], не давая возможности пошевелиться.

– Где младенец и девчонка? – отрывисто спросил незнакомец.

Касэн дернулся, пытаясь вырваться, но это было бессмысленно. Его застали врасплох! Он позволил себе расслабиться, и теперь дети его господина могут погибнуть. Во дворце Иоири было достаточно стражи, были соловьиные полы, по которым невозможно пройти беззвучно, и все равно он не выстоял перед воинами Токугавы. Здесь же и подавно их ничего не спасет.

Когда из-за спин самураев вышел сам сегун собственной персоной, Ихара даже не удивился. Он понимал, что охота на наследника мятежного князя будет серьезная. Но Касэн и подумать не мог, что их найдут здесь.

Двери раздвинулись и послышался какой-то шум. Ихара увидел, как округлились глаза Амайи. Сам самурай из своего положения не видел, что произошло, и мог только догадываться. Как он и думал, стражники привели Ману. Напуганная девушка пыталась плотнее завернуться в кимоно, с ужасом обводя взглядом помещение. Она вскрикнула, когда сюда же втокнули служанку, державшую на руках ее новорожденного брата.

Токугава подошел к напуганной женщине, грубым движением распеленал младенца и презрительно хмыкнул.

– Все-таки мальчишка... Не хочу, чтобы в будущем он наложил лапы на мои земли. Убить его, – сказал он своим людям.

Мана громко завизжала, выкручиваясь из рук солдат. У нее сердце оборвалось, когда какой-то солдат выхватил у служанки ребенка и тут же разрубил его мечом.

– Будьте вы прокляты! Мой отец прикончит вас! – бросила она с ненавистью.

Сегун жестом остановил одного из своих самураев, собиравшегося зажать девушке рот. Он подошел ближе, взял ее за подбородок и поднял к себе лицо дочери кага-хана.

– Красивая и смелая. Ты не представляешь для меня и моих земель никакой угрозы. А вот такая жена моему сыну была бы как раз кстати.

– Мой отец никогда в жизни не допустит этого!

– Твой отец, как и твоя матушка, ушли в мир иной. Их погребли с почестями. Ты можешь гордиться родителем, он достойно защищал свои владения. Но теперь хозяин здесь я.

Мана оцепенела. Ее мутило, глаза наполнились слезами, которые стали беззвучно скатываться по гладким девичьим щекам. Она уже не сопротивлялась, и, кажется, больше ничего не видела и не слышала, находясь в прострации. Ее жизнь, ее будущее, ее мечты обернулись пеплом...

– Госпожа Кин, – Токугава обратился к изумленной гейше вежливо, несмотря на то, что она также находилась в руках его воина и не имела возможности пошевелиться или сказать хоть слово. – Дочь покойных Айано и Изаму Иоири останется здесь. Ты воспитаешь из нее ту, что будет достойна разделить ложе с моим сыном. Она должна будет знать искусство гейши и ее кротость, но не быть гейшей. Ни один мужчина не прикаснется к ней – за этим я приказываю тебе строго следить. Иначе заплатишься жизнью. Как и она.

Потом он повернулся к Мане. Всего лишь напуганная девчонка! Она сделает все, чего он потребует. Страх и женская покорность возобладают над гордостью и ненавистью. И сын его, Юкайю[2], очень хорош собой. Может быть, все у них сложится, и Мана станет ему хорошей женой.

– Наша вражда с твоим отцом в прошлом. Брак состоится через год. Этого времени тебе хватит, чтобы научиться во всем угождать мужчине. Союз этот поможет мне заткнуть рты недовольным жителям Канадзавы, почитавшим своего князя. Также они любят и тебя. И когда узнают, что я не только сохранил тебе жизнь, но и дал достойное твоего происхождения положение, то смирятся с моей властью над ними.

Мана лишь сверкнула глазами. Ей нечего было сказать. Выбора у нее нет. И хотя она была еще очень юна, но, несмотря на боль от утраты и страх перед сегуном, девушка понимала, какие перспективы перед ней вырисовываются. Как невеста будущего правителя, она будет жить под защитой, в мире и покое. И у нее будет время, чтобы выносить план бегства отсюда и мести тому, кто умертвил ее родителей, лишил ее земель и будущего.

Потом ледяные глаза сегуна устремились на нагого Ихару, распростертого на ложе.

– Теперь ты... Поднимите его.

Самураи поставили на ноги. Он стоял меж двумя солдатами, и молча, исподлобья, с ненавистью глядел на своего врага. На его руках, которые крепко держали воины, напряглись мышцы и сильнее проступили под кожей узловатые вены. Глаза блеснули, а на скулах ходили желваки. Мана, впервые увидевшая обнаженного мужчину, смущенно отвела глаза. Заметив это, несколько воинов усмехнулись. Но сам Токугава оставался бесстрастен.

– Я мог бы прихлопнуть тебя, щенок, – сказал он. – Но буду справедлив. Тебя есть, за что уважать, и ты достоин того, чтобы жить. Изаму когда-то купил тебя как раба, а я дарую тебе свободу. Скоро наши купцы отправятся в Европу, и ты поедешь с ними. Ты мечтал о том, чтобы вернуться домой, Касэн, и ты это сделаешь.

– Самурай не раб, – прорычал Ихара неожиданно дерзко.

Он хотел произнести еще что-то, но речь вновь отказалась слушаться его и вышла заминка, которой воспользовался сегун.

– Пусть оденется и уводит.

С этими словами он кивком приказал воинам следовать за ним. Через несколько минут солдаты уже волокли Ихару к выходу. Один из самураев выпустил, наконец, гейшу из своих железных рук. Амайя подошла к одиноко стоявшей посреди комнаты девушке, и положила ладонь ей на плечо.

Сквозь пелену слез, застилавшую глаза, Мана глядела на Касэна, которого уводили люди Токугавы. В какой-то момент он оглянулся, чтобы увидеть ее, и проговорил:

– Это моя вина. Не смог уберечь в-вас.

Когда их шаги затихли, девушка опустилась на циновку и закрыла лицо руками. Кто она – богатая невеста, или нищая сирота и почти монахиня?..

[1] Футон – традиционная японская постельная принадлежность в виде толстого хлопчатобумажного матраца. В XIII веке большинство японцев спало на соломенных циновках, но самые богатые японцы предпочитали спать на татами. Они были не такие мягкие, как современные футоны, а были тверды и неудобны.

В XVII веке японцы начали использовать иные постельные принадлежности – хлопчатобумажные матрацы (футоны), набитые хлопком и шерстью. Первоначально они были слишком дороги, и их покупали только самые богатые японцы. Позднее, в XVIII веке, такие матрацы стали более доступными.

[2] Юкайо – вымышленный персонаж. В реальности преемником сегуна стал Токугава Цунаёси (младший брат).

Глава III Странствующий осенний ветер

Спустя 3 месяца

Осень, как одетая в богатое алое платье богиня Тацута-химэ[1], спустилась на землю и покрыла Японию золотом и багрянцем. Мане нравилось это время года. Она и сейчас шла по аллее сада, наслаждаясь бесподобным зрелищем – рубиновыми, словно выкрашенными в этот цвет нарочно, гроздьями барбариса. Весной здесь чудесно цвела сакура, а осенью созрел барбарис.

Как же свободно дышится вдали от всего – городов с их нагромождениями деревянных домишек и узкими улочками, людей с их беспрестанными склоками, дрызгами, борьбой за власть... Пожалуй, Мана была бы не прочь остаться здесь навсегда. Девушка выросла и все больше становилась внешне похожа на мать, покойную Айано. Характером же она пошла в отца, князя Изаму Иоири, добрая ему память. Мана унаследовала его отвагу и почти безрассудное бесстрашие.

Время, на которое Токугава назначил их свадьбу с его сыном Юкайю, неумолимо приближалось. Она никогда не видела этого юношу, но Амайя говорила, что он довольно хорош собой. Да будь он хоть трижды красавцем, Мана заочно ненавидела этого человека. И поклялась себе, что не выйдет за него никогда в жизни. Но пока об этом ее решении не ведала ни одна живая душа.

Хотя, по правде сказать, сам отпрыск сегуна тоже совсем не жаждал жениться. Юкайю было уже почти 20, и он был умелым воином. А про юную невесту, которую готовили для него в Канадзаве, отзывался с пренебрежением.

– Зачем мне жениться, отец? Канадзава ведь и так уже наша.

– Она наша только потому, что я пожелал этого! – взревел Токугава, заставив вздрогнуть слугу, поднесшего им фрукты. – Раньше она принадлежала Иоири!

– Тогда отдай мне Канадзаву в безраздельное владение вместе с этой девкой! У меня будут земли, и я покажу тебе, каким могу быть правителем!

– Нет, иначе ты начнешь претендовать и на остальные территории, – отрезал сегун. – А девчонка... Она рождает тебе детей, и твой первенец станет наследником всех наших земель, в том числе Канадзавы. Ее жители до сих пор бунтуют. Но эта провинция будет нашей, а не Иоири, навсегда! ...А если выяснится, что эта сучка, чьего отца я собственноручно приколол к полу мечом, не чистая голубица, мы убьем ее. Я объявлю о том, что она не девственница, жителям провинции и сделаю Канадзаву своими владениями в качестве компенсации.

Не зная о том, какие споры ведут о ней самой и о бывших владениях ее отца ее жених с сегуном, Мана шла мимо фруктовых деревьев, собираясь вернуться в дом. Тем более что старая служанка Фо уже дважды ей махала, умоляя подойти ближе, поскольку передвигалась женщина с большим трудом. Должно быть, госпожа Кин желает ее видеть или готов обед. В любом случае Мане пора заканчивать прогулку. Но в тот момент, когда девушка оказалась в самой глубине сада, и была почти со всех сторон окружена деревьями, в ствол одного из них впилась, упруго задрожав, стрела. Ничуть не испугавшись, а, напротив, с радостным предчувствием Мана подошла к этому дереву. К древку стрелы был примотан маленький клочок бумаги: «Приходите вечером к дальней живой изгороди. Записку уничтожьте».

После ужина, как только приличия позволили покинуть госпожу Кин, Мана, одетая в домашнее кимоно, схватила цветную накидку, чтобы не продрогнуть осенним вечером, и отправилась на свежий воздух. Чем дальше она отходила от дома, тем более ускорялся ее шаг.

И вот она уже стремглав неслась к живой изгороди в самом конце сада. При этом ее кимоно и накидка развивались так, что девушка становилась похожа на яркую диковинную птичку.

Мана знала, в каком месте можно протиснуться между ветками кустарников и оказаться на той стороне. Она так и сделала. Когда кто-то осторожно коснулся ее плеча, повернулась, и невольно вскрикнула от изумления.

– Ихара!

Это действительно был он. Кажется, так много времени прошло с того момента, когда люди Токугавы увели его ночью из дома гейши... Мана потеряла всякую надежду на то, что они когда-нибудь увидятся.

Смеркалось, поэтому их, укрытых побуревшей листвой деревьев, никто не мог заметить.

– Где ты был? Что пережил за это время? Почему не отправился в Европу? – в волнении спрашивала девушка, рассматривая бывшего самурая своего отца.

Тот был во всеоружии, как и положено воину. И вряд ли он явился сюда пешком, наверняка где-то поблизости был привязан его конь.

– Не важно, – коротко сказал Ихара.

И спросил, как все это время жила она.

– Я очень несчастна, Ихара, мне нечего ждать от жизни.

– Я так и д-думал... Я виноват во всем!

– Спаси меня, спаси от участи быть женой этого ненавистного человека!

За тем, чтобы выручить ее, он и приехал. Касэн считал себя обязанным помочь дочери умершего господина. Видя, как он задумчив, Мана решилась.

– Все, что я могу предложить взамен – моя невинность, – вдруг выпалила она.

От шока, что осмелилась такое сказать, Мана задрожала, будто от холода. Самурай отшатнулся, взглянув на нее, как на безумную.

– Ты с ума с-сошла! – воскликнул он и даже несколько раз запнулся от возмущения. – Н-нет.

Такая его реакция даже задела ее, как женщину. Она хотела как-то ответить, но будучи еще слишком юной, не знала, как это сделать.

Касэн снова задумался.

– Понимаю, я для тебя обуза, – промолвила тихо Мана, отвернув лицо в сторону. Трепетавшая на ветерке прядь волос слегка касалась ее впалой щеки.

– Даже если сбегу отсюда, я не знаю, куда мне идти. Меня найдут везде. Сначала я хотела отомстить Токугаве. Но что я могу против него? На моей стороне никого нет.

Ихара поглядел на нее с жалостью и еще с невольным уважением. Было очевидно, что его сердце дрогнуло. Раньше ему эта вертихвостка казалась почти ребенком. А теперь видел, что мыслит она совсем по-взрослому, не как избалованная дочь правителя.

– Через т-три дня, – заговорил, наконец, он, – отправляется в путь судно, которое должно доставить во Францию наши товары и д-дипломатов для переговоров о торговом сотрудничестве с французским королевством. Токугава назначил меня одним из членов д-дипломатической миссии. Если тебе удастся убежать отсюда и на рассвете быть в порту, я возьму тебя с собой. Но при одном условии, на к-которое ты вряд ли согласишься...

– Я согласна на все. Скажи, что за условие.

– Ты можешь плыть со мной т-только в роли моего слуги. Нужно будет состричь волосы, переодеться в мужскую одежду, и выполнять обязанности слуги на протяжении всего пути, который будет д-долгим...

– Я согласна! – горячо воскликнула, перебивая его, Мана.

– Ты п-привыкла, чтобы прислуживали тебе, но если поедешь, то сама станешь прислугой. Это очень трудно, – предупредил юноша.

– У меня нет выхода. Я смогу выдержать.

– Так избежишь участи стать супругой будущего п-правителя Японии... Но действительно ли ты этого хочешь? Что если именно для этого ты создана?

– Нет! – почти со слезами воскликнула упрямо Мана.

– А если пожалеешь о побеге? Назад д-дороги не будет.

– Я читала о Европе, говорила с купцами, которые приезжали к отцу. Я верю, что смогу там жить. Буду работать!

Касэн скептически пожал плечами.

– Это будет очень тяжелая жизнь. Ты можешь погибнуть.

Девушка повесила голову. Самурай стоял, скрестив на груди руки, и ждал ее окончательного решения. Он внимательно поглядывал на нее, освещенную только светом уже возшедшей луны.

– А что будешь делать ты? – спросила она.

– Искать своих родных.

– Ты помнишь их?

– Я никогда не забывал, кто я и откуда... – Ихара стал смотреть в темноту, и его взгляд затуманился.

Он вспомнил, как девятилетним мальчиком стоял на палубе увозившего его в неведомую страну корабля, глядел в ту сторону, где, он был уверен, находится родная Франция, и шептал: «Я вернусь...».

– Я хочу помочь тебе найти их. Забери меня. Здесь меня не ждет ничего хорошего, – сказала японка.

Девушка совсем продрогла. Тонкая шаль не спасала от сырости ранней осени. За деревьями она видела свет в окнах дома. Нужно было возвращаться.

– Спасибо, Ихара, – вдруг прошептала она, взяв его теплую руку своими тонкими прохладными пальцами.

– Нет, это вы делаете мне честь, соглашаясь ехать со мной. Вы – дочь моего господина, а значит моя госпожа, – самурай поклонился.

Возвращаясь к тому месту, где оставил лошадь, Касэн был еще более задумчив. Правильно ли он делает, что вырывает ее из этого мира? Что если там она будет такой же чужой, как он здесь? Но на то, чтобы увезти ее, его толкали долг перед погибшим господином, доверившим ему самое дорогое – собственное дитя, и еще что-то, о чем он и подумать боялся, о чем должен был молчать, на что не имел права...

***

Как ни стремился Токугава, владевший четвертью территории государства, добиться полной изоляции Японии от внешнего мира, прекратить все отношения с Европой было невозможно. Торговые связи все-таки поддерживались. Купцы совершали путешествия в основном в Испанию и Голландию, их корабли доставляли туда шелк, чай, японский фарфор и многое другое. Но все передвижения судов контролировал сам сегун. Удельным князьям дайме, одним из которых был когда-то и Изаму Иоири, ничего не оставалось, как подчиниться его воле, потому что во избежание мятежей правительство всячески урезало их полномочия, а в случае неповиновения мятежника ждало то, что случилось с князем Канадзавы. Весть о произошедшем вмиг разлетелась по всей Японии и Токугава был уверен – в ближайшее время никто из дайме не посмеет поднять голову.

Вывезти в Европу вместе с шелками и бочонками с порохом не составляло труда золото, и даже человека... Но Токугава хотел не просто переправить самурая Ихару Касэна на Запад. Он задумал использовать его в своих целях. Франция на тот момент была одной из сильнейших

стран Европы, и развитие межгосударственной торговли с ней могло принести Японии большую выгоду. Только вот наладить отношения с этим европейским королевством было задачей не легкой. Особенно после того, как в Японии начались гонения на христиан. В некоторых провинциях католичество было полностью запрещено. А все потому, что христианские миссионеры из ордена иезуитов сочли себя здесь хозяевами и решили, что вправе уничтожать буддийские храмы и скупать японские земли. Теперь, стремясь наладить отношения с королем Людовиком XIV, Токугава решил отправить к нему своих послов с дипломатической миссией. В их числе был Ихара Касэн. Хотя он и слишком молод для такого ответственного задания, но врожденная осторожность и благоразумие, а также высокое, в чем сегун не сомневался, европейское происхождение помогут ему. Человека своей крови там наверняка встретят дружелюбно. На эту поездку Токугава возлагал большие надежды.

И вот, наконец, наступил день, когда японские корабли отошли от берегов родной страны. Им предстояло преодолеть долгий и сложный путь. И вернуться с добрыми вестями. Сидя верхом на коне, окруженный охраной, Токугава, прищурившись, наблюдал за суетящимися в порту людьми. На одном из судов он увидел самурая, который должен стать его козырной картой в этих переговорах. После гибели князя Иоири Ихара стал ронином – низшим буси без господина и без средств к существованию. Но так как сам сегун взял его к себе на службу, он получил звание самурая высшего класса. Теперь ему надлежало иметь вооруженных слуг. Токугава заметил, что возле Касэна крутился низкорослый худой мальчишка – должно быть, один из них.

А с корабля в этот момент за правителем наблюдали глубокие карие глаза, в которых таилось смешанное чувство ужаса перед неизвестностью и восторга от обретенной свободы. «О, Тацута-химэ, помоги нам, путникам, не заблудиться в дороге», – мысленно молила девушка великую богиню.

...Когда сегун узнал, что невеста его сына бесследно исчезла, его люди приехали в дом гейши Амайи Кин, повесили ее на дереве, а великолепный дом у лotosового пруда сожгли.

[1] Тацута-химэ – японская богиня осени и воплощение красоты алой листвы горы Тацута в префектуре Нара. Богиня осени является покровительницей ткацкого мастерства («тацу» созвучно с глаголом «кроить»). С девой Тацута в древности сравнивали девушек, которым не было равных в шитье.

Глава IV Тетушка Шинджу

Их путешествие продолжалось уже два дня, а впереди было несколько долгих месяцев на корабле. Путь лежал через Индию, вокруг Африки, мимо берегов Португалии и Испании. Мана никогда раньше не плавала на судне, и выяснилось, что она тяжело переносит качку. Девушке стало плохо в первый же день. И вместо того, чтобы выполнять свои обязанности слуги, она лежала на старой циновке, пытаясь перебороть тошноту.

В невысоком квартердеке на корме располагались каюты с широкими светлыми окнами, отделенные друг от друга раздвижными перегородками. В одной из них и был размещен Ихара. Слуги жили отдельно, в подсобном помещении. Но когда Мана заболела, самурай решил, что она должна находиться в его каюте. Девушка, теперь вынужденная играть роль мальчика-слуги, ничего немогла есть и практически все время спала. Касэна ее состояние пугало, он уже готов был позвать корабельного доктора, однако Мана остановила самурая, ведь врач сразу узнал бы правду.

Молодому воину прислуживал второй слуга – юноша лет шестнадцати, мечтавший тоже стать военным. Ихара, хотя ему и было очень жаль Ману, естественно, не мог находиться рядом с ней долго. Он иногда навещал ее, а все остальное время проводил либо в тренировках, либо за чтением книг.

Именно во время одной из его тренировок и случилась неожиданная для молодого человека встреча. Рано утром, когда солнце еще только начинает подниматься из-за горизонта и все вокруг окрашено в серо-розовый цвет, Ихара на безлюдной просторной палубе повторял приемы боя, используя вместо катаны синай – бамбуковый меч, который два иезуита, иногда с интересом наблюдавших за его тренировками, называли между собой палкой. Обычно в такие моменты он был очень сосредоточен и не обращал внимания на зрителей. Поэтому не сразу увидел ее... госпожу Хоши. Шинджу стояла на палубе, облаченная в великолепное атласное одеяние апельсинового цвета. Она была, казалось, еще красивее, чем раньше. Словно то, что произошло, нисколько не опорочило ее. Да и происходило ли это все на самом деле? Ихара прекрасно помнил, что да. Лежащая на полу в обрывках кимоно женщина и наваливающиеся на нее мужчины – та картина до сих пор стояла перед глазами. Пришел ли ей кто-то на помощь? Что стало с Ясу? Самурай отвлекся от своих размышлений, увидев, как японка, какое-то время наблюдавшая за его похожим на танец воображаемым боем, медленно и величественно пошла вдоль перил. Подол ее платья, словно воды огненной реки, скользил по доскам.

Когда красавица исчезла из виду, Ихара продолжал отрабатывать технику защиты и нанесения ударов и вскоре перестал о ней думать. Самурай решил заняться обучением своего слуги, тогда тренировки станут гораздо эффективнее.

Пребывание на корабле было насыщенным и богатым на разнообразные события, насколько это вообще возможно в открытом море. Вечером Ихара был официально приглашен на чаепитие с купцами и капитаном корабля. Касэн предпочитал избегать подобных мероприятий, поскольку чувствовал себя скованно, говорить старался мало и не знал, как себя вести. Его заикание многих раздражало, ведь иногда юноше довольно тяжело было быстро произнести слова, и поэтому слушать его порой было также мучительно, как вслушиваться в карканье какого-нибудь диковинного пернатого. Но в этот раз Ихара отчего-то согласился прийти.

Здесь были оба иезуита, японские купцы, а также трое членов дипломатической миссии, направленных во Францию вместе с ним. А еще здесь была Шинджу. Оказалось, теперь она – супруга одного из купцов. Ихара время от времени поглядывал на женщину, она тоже иногда задерживала на нем взгляд. Самурай гадал – что же тогда случилось во дворце князя Йоири, что было после их побега? Может быть, госпожа Хоши могла бы ему это рассказать, но она

сидела рядом с грузным, шумно дышащим мужем, покорно опуская глаза всякий раз, когда супруг обращался к ней.

Между тем разговор велся о корабле, на котором они совершали плавание. Трехмачтовое судно хоть и было торговым, но имело на вооружении четыре пушки. Как пояснил капитан, в случае столкновения с пиратами они смогут отбиться.

Следующим утром, когда Ихара выполнял свои упражнения, Шинджу вновь вышла на палубу. Заметив, что она безмолвно наблюдает за ним, самурай остановился. Поднявшийся с утра ветер развивал полы кимоно и черные длинные волосы женщины, небрежно скрепленные серебряной заколкой.

Касэна осенила мысль, что тетушка может узнать племянницу, когда Мана выздоровеет и будет в качестве его слуги появляться на людях. А это могло угрожать ее безопасности. Шинджу наверняка знала, кто вывез из дворца дочь князя. Ему нужно было поговорить с ней, поэтому молодой человек решительно направился к красавице.

Женщина ожидала его приближения, чуть склонив голову на бок. Самураю показалось, что в ее взгляде мелькнула насмешка.

– Вот уж не думала, что увижу тебя здесь, – сказала Шинджу.

Ее губы сложились в улыбку. Ихара поклонился, как подобает во время приветствия.

– Токугава направил меня в Европу в качестве посла, – пояснил юноша.

Взгляд женщины был странно отрешенным. И в то же время ее глаза с хищной, кошачьей сосредоточенностью скользили по его обнаженному сухопарому торсу. Хотя осень уже обвила все вокруг дымкой золота и прохлады, теплые дни еще случались, и в этот раз был именно один из них. Во время тренировки Ихара от жары покрылся испариной, поэтому сбросил верхнее кимоно, оставшись в широких плесированных штанах хакама.

– Я не помешала твоим упражнениям? – поинтересовалась японка.

Голос ее был сладок и игрив. Ихара отрицательно качнул головой. Кажется, она вовсе не собиралась спрашивать о Мане и это его успокоило. Он вздрогнул, когда Шинджу вдруг прикоснулась к его груди. Ладонь ее была теплой, мягкой. Заметив взгляд, обращенный на руку, лежавшую на темных завитках, японка снова улыбнулась.

– Кроме махания бамбуковым мечом, есть еще другой способ поддерживать тело в хорошей форме, – проворковала она.

Шинджу отвернулась и стала медленно отходить, а Ихара оставался неподвижен и внимательно глядел ей вслед. В это время Мана, бледная, исхудавшая, стояла под четвертьдеком, и, кутаясь в шерстяное покрывало, смотрела на него. Конечно, девушка узнала родственницу. Она во всем проигрывала тетке. Маленькая, как ребенок, коротко стриженная, от чего волосы по-мальчишески торчали в разные стороны, одетая в грубую мужскую одежду, бесформенно на ней топорщившуюся. В то время как Шинджу была женственно-холеная, ухоженная, и, что греха таить! – все еще молода и красива.

***

Ихара открыл глаза. Из окна лился чистый лунный свет, который падал как раз на сидевшую на футоне фигурку. Женщина была повернута к нему спиной, ее волосы, перекинутые на грудь, открывали узкую гибкую спину. Самурай засмотрелся на Шинджу. Ее силуэт походил на изваяние статуэтки, выточенной из кости или дерева. Молодой человек нежно провел пальцами по линии ее позвоночника, чувствуя теплоту и бархатистость кожи. Женщина оглянулась. В ее глазах в этот момент был какой-то нездоровый блеск. Но через секунду она уже томно

улыбалась ему. Ихара мягко сжал ее ступню. В его руке она казалась такой маленькой, грациозной, хрупкой, что, кажется, раздавить ее ничего не стоило. Как вышло что они стали любовниками? Он бы не мог толком ответить на этот вопрос. Просто однажды ночью она пришла... Сейчас Шинджу уйдет в каюту мужа, а потом, под покровом темноты, вновь скользнет в его комнату.

Днем Ихара вел себя с ней ровно, ничем не выдавая их близкой связи. Правда, надо отдать должное и самой Шинджу: она тоже не подавала виду. Скромная и воспитанная на людях, наедине с ним она вспыхивала горячей страстностью и становилась неукротимой вакханкой.

Но они зря думали, что никому не известно об их отношениях. Как минимум один человек все знал. Это была Мана.

Организм девушки постепенно адаптировался к качке, и она стала выходить на палубу. А вскоре и смогла занять свое место возле Ихары в качестве его слуги. Когда рядом появлялась Шинджу, самурай под разными предлогами посылал куда-нибудь Ману, боясь, что тетка узнает племянницу. Но девушка стала следить за ними со злой юношеской ревностью. Ночью подкрадывалась к каюте и слышала приглушенные стоны, иногда видела, как тетушка торопливо проникает в комнату ее «господина» или как выскальзывает из нее. А днем, не выспавшаяся и раздраженная, Мана то и дело словесно задевала удивленного самурая, не понимавшего, что с ней происходит. Касэн вообще стал неимоверно раздражать своего маленького «слугу». Однажды даже дошло до абсурда...

Корабль периодически делал остановки в портах, чтобы пополнить запас пресной воды и провизии. В это время у пассажиров была возможность спуститься на землю и даже посетить различные местные заведения. Ихара любил использовать такие моменты для купания. Попасть в деревянной бочке было его слабостью. Японцы называли это баней офуро. Благо этот народ любит комфорт и потому даже здесь, на корабле, была такая бочка. Во время остановок корабля как раз появлялась возможность набрать и нагреть воды. А делать это надлежало при слуге. Обычно этим занимался второй слуга, юноша по имени Тоши, но в тот раз Мана нарочно присоединилась к нему. Девушка носила воду, изо всех сил демонстрируя как ей тяжело, но при этом отказывалась бросить свое занятие, когда Ихара настаивал. Наконец приготовления завершились, и молодой человек опустил в бочку, над которой клубился жаркий пар.

Воспользовавшись тем, что супруг с другими купцами отправился на берег, Шинджу явилась к любовнику и со смехом бросилась растирать ему спину и грудь.

– Хочешь, я принесу масла, чтобы добавить их в воду? – поинтересовалась японка, глядя его по плечам.

Ее изящная тонкая ручка вдруг скользнула вниз. Пальцы мягко проšli по нежной коже.

– Нет, останься, – прохрипел он, шалея от развратной ласки.

В предвкушении плотских удовольствий самурай блаженно прикрыл свои красивые зеленые глаза. Но в этот миг его окатили кипятком. Ихара вскрикнул и подскочил, накрывая водопадом брызг Шинджу, и стоявшую по другую сторону Ману. Именно она и стала причиной случившегося.

– Ах, ты идиот! – закричала госпожа Хоши, намереваясь с размаху отвесить слуге пощечину.

Однако племянница ловко увернулась.

– О, простите меня! – пролепетала она. – Я лишь хотел добавить горячей воды, чтобы господин не замерз.

Ихара, нахмурившись, глядел на нее, и даже не пытался защититься от нападок Шинджу. На его плече и груди проступили красные пятна, свидетельствующие о довольно сильном ожоге.

– Пошел вон! – кричала тем временем женщина, одновременно пытаясь привести в порядок свое намокшее кимоно.

Опустив голову, Мана проворнее любого мальчишки выскочила из каюты. Ее злость на Касэна никуда не делась, а только усилилась. Поэтому она решила забиться в какой-нибудь укромный уголок, чтобы не видеть ни его, ни свою тетку.

Несмотря на то, что ветер стал заметно сильнее, японское судно вновь вышло в море. Капитан рассчитывал сделать большую остановку на Филиппинах через несколько дней, а сейчас решил продолжать путь. Однако ближе к ночи порывы ветра настолько усилились, что паруса, которые нещадно трепало из стороны в сторону, начали издавать невероятный шум. Мана, испугавшись этого, выбралась из своего укрытия и обнаружила, что вся команда занята борьбой со стихией. Матросы поворачивали паруса под определенным углом, чтобы ветер нанес им как можно меньше вреда и не сбил корабль с курса. Вдруг с резким свистом лопнул один из канатов, что грозило обрушению ванты на грот-мачте. Мальчишка-матрос, как раз находившийся там и пытавшийся закрепить парус, рисковал рухнуть вниз с огромной высоты. Пока все с ужасом наблюдали за происходящим, один из пассажиров сорвался с места и по выбленкам уже поднимался вверх. Касэн рассчитал все следующим образом – добравшись до нужной ванта, он сможет поймать конец каната и вернуть его на место, чем спасет от разрушения вторую мачту корабля. Морское дело всегда интересовало его, и юноша считал, что неплохо разбирается в столь непростом искусстве. Когда Ихара уже был на самом верху, ему удалось схватить беснующийся на ветру обрывок каната и, подтянувшись к матросу, помочь ему закрепить поврежденную ванту. Однако в следующий миг каким-то особенно сильным порывом его вдруг швырнуло в сторону, и он наткнулся прямо на саму мачту. А матрос, не сумев удержаться, полетел за борт. В гуле ветра и оглушительном шуме воды раздался всеобщий вздох. Пассажиры напряженно смотрели, что будет дальше, хотя капитан уже несколько раз приказал им покинуть палубу. Мана, невольно вцепившись обеими руками в воротник своей короткой куртки, составлявшей одежду слуги, едва сдерживала крик. Когда самурая, который в широких штанах и кимоно на фоне графитово-серого неба казался похожим на огромную птицу, снова отбросила на мачту, девушка заплакала. Неизвестно какими усилиями, но Касэну все же удалось спуститься. Его темные волосы растрепались, выбившись из хвоста, и прилипли к лицу, а из рассеченной брови вместе с каплями воды струилась кровь.

Что было дальше, Ихара практически не помнил. Он очнулся в своей каюте, и первое что увидел – склонившееся над ним лицо корабельного доктора.

- Сколько вам лет? – спросил лекарь.
- Восемнадцать.
- Молод и силен... Значит заживет все быстро.
- Что со мной?

Оказалось, у Касэна сотрясение мозга и перелом нескольких ребер. Врач посещал самурая каждый день, также в гости навещалась Шинджу. А ухаживали за ним слуги. Причем за все время они с Маной почти не обмолвились ни словом. Ихара не знал, чем так настроил против себя девушку, а она не могла простить ему роман с теткой.

Как только самурая стало лучше, ночная гостья вновь стала посещать его каюту. Молодого человека несколько отталкивала эта ее навязчивость. Такая страсть могла стать роковой...

- Ты останешься там, на Западе? – однажды спросила она, лежа на его поджаром теле.
- Да.
- А я не знаю, что буду делать...

Ихара покосился на нее вопросительно. Она часто жаловалась на мужа, говорила, что ей противны ночи с ним, ненавистны его прикосновения.

На самом деле Шинджу действительно ненавидела его. Когда-то она была родственницей владетеля Канадзавы, и держалась почти как императрица, окружая себя охраной и слугами.

А теперь она – супруга простого купца, которому была обязана тем, что он вытащил ее из-под оголтелых наемников Токугавы, готовых растерзать ее хрупкое тело. Муж ее на тот момент был их командиром. А потом решил уйти в купцы, что не было редкостью среди самураев. Он боготворил жену, даже не подозревая, насколько сильно она его презирает.

– Что стало с Ясу? – все-таки осмелился спросить Ихара.

Почему-то думал, что она не ответит. Но Шинджу сказала:

– Она не вынесла случившегося и погибла. Нет, не тогда, позже. Проткнула себя мечом. Моя дочь оказалась более смелой, чем я.

Глава V Лань и волчица

Мана подавала Ихаре тарелку с рисом, когда Шинджу, неожиданно появившаяся в комнате, вдруг целенаправленно подошла к ней. Девушка испуганно уставилась на тетку, а та вдруг на глазах у самурая схватила ее за пояс штанов и резко сдернула их вниз, открывая для обозрения все, что находится ниже талии. Дочь князя Иоири вскрикнула, роняя посуду, и ударила родственницу по рукам, а потом попыталась натянуть на бедра верхнюю часть одежды. Ее широкие штаны из грубой серой ткани упали на пол, и поднимать их было бы совсем нелепо.

– Руки убери, маленькая шлюшка! – вскричала Шинджу. – Я так и думала, что это девка! И как же я раньше не догадалась, что это именно ты!

Глаза Маны наполнились слезами.

– Перестань! – Ихара поднялся со своего места и буквально оттащил тетку от племянницы.

Большого унижения Мана не испытывала никогда в жизни. Особенно сильную боль причиняло осознание того, что все произошло на глазах мужчины. Именно у НЕГО на глазах! Стояла перед ним почти раздетая... И кто посмел с ней так поступить! Родная тетка, когда-то качавшая ее на руках. Девушка с минуту глядела в пустоту оторопелыми глазами, затем наклонилась, подняла штаны, натянула их на себя, и вдруг понеслась прочь, словно вспугнутый олененок. Ихара вместо того, чтобы что-то объяснять Шинджу, бросился за ней, потому что ее совершенно невменяемый вид натолкнул на некоторую догадку. И действительно Мана бежала к борту корабля. По тому, как она схватилась за перила, самурай понял – его маленькая госпожа собирается броситься в воду. Две крепкие руки обхватили девушку и с легкостью оторвали от пола. Юная японка завизжала. Она билась в истерике, рвалась из его рук, отталкивала, дрожа всем телом. В то время как Шинджу, поднявшись на палубу, равнодушно наблюдала за этим зрелищем.

Она заподозрила неладное еще когда мальчишка-слуга ошпарил их с Ихарой кипятком. Слишком знакомым ей тогда показалось его лицо. Но когда у нее стали пропадать принадлежности, необходимые женщине во время регул, Шинджу окончательно поняла, что один из слуг самурая – отнюдь не мальчик.

Дело в том, что Мана, все мысли которой захватила возможность побега, совершенно не подумала о столь нужных вещах, а Ихара и подавно не думал о таком, поэтому не напомнил ей. Все таскать у тетки девушка изловчилась быстро. И этим себя выдала.

... День он провел на палубе, а в свою каюту, где Мана находилась все это время одна, зашел лишь вечером. Девушка лежала на футоне спиной к двери. Лежала тихонько, неподвижно, будто затаившаяся в уголке мышка. Наверное, плакала весь день... Когда он появился, Мана повернулась. Посмотрела так, словно грудь распорол своим взглядом, столько в нем всего читалось: и боль, и стыд, и... нежность?

Самурай присел рядом, намереваясь что-то сказать, но девушка опередила его. И ее слова совершенно не вязались с тем, о чем еще секунду назад говорили ее глаза.

– Ты был рабом моего отца, Ихара, а значит и моим. Не смей никогда больше ко мне прикасаться и мешать мне делать то, что я решила.

От своих слов Мана сама же еще больше распалилась. Что этот приемщик себе позволяет?

Лицо самурая стало почти каменным, на скулах заходили желваки. Он встал и отошел к окну.

– Хорошо. Я п-понял, – голос его был глухим и тихим.

Мана поднялась, чтобы уйти. Но остановилась, услышав его следующие слова:

– Там, где я родился, самоубийство считается п-позором, а не подвигом. Если человек решает умереть, значит, он слаб и п-признает, что не может бороться.

...Увидев на палубе тетушку, как всегда прекрасную в своем шелковом, розовом с коралловой отделкой кимоно, Мана собиралась демонстративно пройти мимо, но та ее окликнула.

– Подойди сюда, Манами-сама[1].

Девушка оглянулась и, сделав шаг к родственнице, замерла. Глянула на Шинджу, гневно хмурия брови.

– Ты можешь на меня обижаться, злиться. Но то, что я сделала – для твоего блага.

Дочь покойного князя фыркнула. В этот миг она особенно походила на отца – та же решимость была во взгляде.

– Забыла, кто ты? И кто он? Ты что на себя надела? Кем стала? Никогда в жизни Иоири не прислуживали! Да еще и какому-то молокосу-самураю. Он никто! Просто солдат. Раздеваясь при нем, ты не можешь чувствовать стыда и унижения, ведь это – то же самое что раздеться рядом с мебелью, стеной, дверьми. Пусть знает свое место!

Выслушав ее, Мана ответила на удивление спокойно, будто уже смирилась с произошедшим, пережила и запретила себе об этом вспоминать.

– Это вам, тетушка, надлежит знать свое место. И мы видели, где оно, не забывайте об этом.

Повернувшись, девушка отправилась дальше и уже не видела, как побагровела гладкая персиковая кожа Шинджу, как заблестели ее очи.

«А что, если, и вправду, сделать из нее настоящую шлюху? – в ярости подумала госпожа Хоши и ее губы растянулись в зловещей ухмылке. – Сломать эту маленькую мерзавку с ее княжескими замашками, с этой неприступностью и надменным взглядом, который она каждый раз бросает на окружающих».

Осуществить задуманное труда не составило. За ней и так все мужчины, будто ручные, ходили. Благодаря своей красоте, а также деньгам мужа-купца, Шинджу легко нашла помощника среди команды корабля – матроса по имени Джеро. И когда он с похотливой ухмылкой внес в грязное, пропитанное запахом пота и мочи помещение, где ютились все низшие по званию члены команды, девушку, опоенную чем-то до бессознательного состояния, матросы очень оживились. Находясь долгие месяцы в пути, в большинстве своем они редко видели женщин. Некоторым из них если и везло, то лишь с портовыми девками.

***

Тоши, слуга Ихары, неся, толкая и почти сбивая с ног всех на своем пути. Он сразу узнал Ману, и хотя до этого момента сам был уверен, что это мальчишка, понимал, что должен во что бы то ни стало сообщить все господину.

Когда самурай спокойно вошел в кубрик – общую комнату матросни, и увидел, как несколько человек склонились над неподвижно лежавшей Маной, то вынул малый меч[2] из ножен.

– Отойдите от девушки.

– Что, тоже хочешь поразвлечься? – хихикнул кто-то.

Ихара метнул в говорившего острый, как клинок, взгляд.

– Каждого, кто к ней прикоснется, зарублю. Она – дочь погибшего князя Канадзавы. А я ее охранник. Должен находиться рядом. Жизнь ее охранять... и честь.

Все застыли. Откуда тут, на корабле, следующем на Запад, взялась эта юная аристократка, да еще и в таком виде? Джеро, единственный, кто знал, каким образом девушка оказалась во

власти матросов, осторожно отошел назад, за спины товарищей. Если и правда эта сучка – дочь дайме, пусть даже умершего, то ему не поздоровится. Неужели так жестоко обманула его хитрая супруга купца?

Ближе к полуночи госпожа Хоши, стараясь никому не попадаться на глаза, прошла на дальнюю часть палубы, где за столбом мачты ее ждал какой-то человек.

– Что тебе нужно? – отрывистым шепотом спросила женщина.

В вышедшем из тени ей навстречу мужчине без труда угадывался чуть сутулый коренастый матрос Джеро.

– Плата, – хищно усмехнувшись, ответил он.

– Плата за что? – она нервно стягивала у горла воротник своего роскошного кимоно.

– За молчание. Ведь ни девчонка, ни этот сопляк с катаной не догадываются пока, кто ее под наших ребят чуть не подложил.

– Сколько ты хочешь?

– Деньги мне здесь без надобности.

Шинджу ощутила, как в районе солнечного сплетения похолодело, а от желудка к горлу начал подниматься ком. Она прекрасно знала, что значит, когда так говорит мужчина. Он хочет другой платы... В темноте Джеро не мог видеть, как она побледнела и как исказилось в гримасе отвращения ее лицо. Руки матроса потянулись к поясу оби, удерживающему кимоно и закрепленному с помощью банта.

... Мана не приходила в себя всю ночь. А утром проснулась, как ни в чем не бывало. Девушка, скорее всего, даже не догадывалась о том, что чуть не стала жертвой жестокого надругательства. То, как на нее порой косились занятые работой моряки, вначале показалось странным, но еще больше юную японку удивило повышенное внимание самурая, почти все время находившегося поблизости.

Не секрет, что вместе с людьми на кораблях путешествовали и животные. На судне было несколько коз, домашняя птица, лошади. Если первые и вторые входили в меню находившихся на борту пассажиров, то последние предназначались для продажи. Морякам же надлежало питаться гораздо более простой едой – сухарями, лепешками, дарами моря. Вот они и занимались тем, что рыбачили, чтобы хоть чем-то себя побаловать. В этот день матросы уговорили корабельного повара приготовить им огромную рыбу, выловленную утром. Тот расположился прямо на палубе и специальными ножами ловко разделявал сочного тунца. Мана увлеченно наблюдала за процессом, и повар, заметив слонявшегося без дела «мальчишку» предложил попробовать расчленив рыбу. Девушка неумело взялась за работу, чем насмешила маленького помощника судового кулинара.

Присевший на бочку, стоявшую у кормы, Ихара не сводил с японки глаз.

– Что ты как пес на привязи возле княжны? – прозвучал совсем рядом голос госпожи Хоши. – Или забыл что в первую очередь ты самурай Токугавы, посол Японии?

Касэн повернулся и посмотрел на Шинджу. Сегодня ночью она почему-то не пришла к нему и сейчас казалась то ли печальной, то ли уставшей. Облаченная в простое серое кимоно, украшенное лишь вышитыми на нем алыми цветами и поясом в тон, женщина выглядела в этот момент трогательно и незащищенно. Это подчеркивало и почти полное отсутствие краски на лице, позволяющее рассмотреть ее четко прорисованные природой скулы и небольшие чувственные бледно-розовые губы, обычно спрятанные под слоем помады сочного красного цвета. Такой видеть любовницу Ихара не привык.

– Мне ее отцом велено быть ее телохранителем, – ответил он.

– Тело, значит охранять, – Шинджу хмыкнула. – Главное – не возжелай этого тела.

Он вспомнил, как увидел Ману тогда, во время выходки тетки. Самурай сразу отогнал от себя эти мысли. Даже думать о таком было непозволительно.

– Ей нужна одежда, – сказал вместо ответа Ихара. – Найди для нее что-нибудь. Не следует ей больше скрываться под видом прислуги, это не правильно. Сегодня ночью ее опоили чем-то и хотели изнасиловать.

– О, боги! Кто мог решиться на такое? – Шинджу всплеснула руками, от чего широкие шелковые рукава ее наряда живописно разлетелись в стороны, открывая тонкие запястья.

Вечером на чаепитии у знатных пассажиров Мана появилась в великолепном нежно голубом платье, отделанном по краям рукавов и подолу белым шелком. Пояс одеяния также был из этого материала. Серебристое украшение в туго уложенных волосах добавляло женственности по-детски хрупкой красавице. На наряд для племянницы тетка не поскупилась. Однако девушка совершенно не горела желанием выражать родственнице признательность. Она решила, что никогда в жизни не простит ей то свое унижение перед Ихарой. Правда теперь Шинджу обращалась с Маной нарочито уважительно, всякий раз подчеркивая статус племянницы.

– Как же это вам удалось столько времени водить нас за нос, Манами-сама? – улыбался в усы капитан, рассматривая высокопоставленную пассажирку.

– Моя племянница чуть не погибла во время нападения на дворец дайме Иоири, господин Исий, – ответила вместо девушки Шинджу. – Ей опасно было раскрывать себя. Но теперь, когда мы уже далеко от берегов Японии, надеюсь, малышке нечего бояться.

Сегуна в тайне ненавидели многие, поэтому говорить о таких вещах в узком кругу госпожа Хоши не боялась. Мана нахмурила тонкие черные брови, украдкой бросив недовольный взгляд на тетюшку. Ее покорило это фамильярное «малышка». Наверное, Шинджу не знает, что она – официальная невеста наследника, пусть и беглая.

Далее Мана с интересом вслушивалась в беседу, которую затеяли один из иезуитов, капитан, и ее тетюшка. Кажется, речь шла о каком-то литературном творении, автор которого жил в Европе и Шинджу рассчитывала с ним познакомиться.

– Занятная книга, – говорил иезуит. – Но слишком уж переполнена фривольными намеками.

Как церковнику, ему это явно не нравилось.

– Не так уж их много, согласитесь, чтобы выводить из душевного равновесия, – спорила с ним госпожа Хоши. – Зато написано как! Хлестко и отточено!

– А вы не читали этого Лафонтена? – вежливо осведомился у Маны капитан.

– Его не переводили на японский, – заметила Шинджу.

– Действительно. Но когда сие произойдет – обязательно узнайте, что скрывается за этим набором латинских букв.

Все засмеялись.

Касэн проводил вечер в одиночестве. Растянувшись на футоне, Ихара положил руки за голову и глядел в потолок. В Европу они прибудут лишь весной, долгие месяцы на корабле совершенно расслабят его, и с этим нужно что-то делать. На самурая временами нападала апатия от безделья, накатывал страх перед будущим, перед неизвестностью. Сможет ли он найти своих близких? Как его встретит родная Франция, как воспримут его появление те, кто знал его маленьким мальчиком и давно смирился с исчезновением сына?

Потом самурая осенила другая мысль. А что если все его близкие давно умерли? Еще несколько лет назад от приезжавших к князю Иоири португальских торговцев Ихара слышал, что в Англии случилась страшная эпидемия чумы, от которой умерла почти половина населения Лондона[3]. Вдруг эта болезнь затронула и Францию? Хотя людям ведь угрожала не только чума. Лихорадка, оспа, – да мало ли болезней? Юноша старался отвлечься от столь безрадостных мыслей, но вновь и вновь возвращался к ним. Боязнь найти мать совсем не такой, какой он ее видел благодаря своим смутным детским воспоминаниям, сменилась страхом не увидеть ее вовсе.

Размышления Касэна прервал тихий мягкий звук отодвигаемой двери. Аромат цветов возвестил о появлении Шинджу. Женщина без слов сбросила свои шелковые одежды и опустилась на его бедра. Пары поцелуев и прикосновений было достаточно, чтобы пробудить страсть в юном теле.

... Мана, прямая и напряженная, словно чайная церемония все еще продолжалась, сидела на пятках в теперь уже отведенной специально для нее каюте. Заснуть в эту ночь ей мешало волнение. Впервые она оказалась в обществе, где на нее смотрели не как на ребенка или на дочь ее знатного отца. Сегодня она была интересна людям сама по себе! Мужчины бросали на нее дружелюбно-восхищенные взгляды, капитан беседовал с ней на равных, даже спросил ее мнение по какому-то вопросу. Да и другие участники вечера постоянно обращались к ней во время разговора. Шутили деликатно, а не грубо или пошло, как бывает у мужчин, говорили о делах понятно и не много, дабы не заскучили их прелестные собеседницы, бывшие, если не считать пары служанок Шинджу, единственными представительницами прекрасного пола на борту.

Мана вспомнила слова, которые ей когда-то наставительно говорила Амайя Кин: «Гейша должна уметь очаровывать невинностью и владеть актерским мастерством, должна уметь пронзить тот мрак, в котором живут мужчины, – мрак воин, оружейного звона и запаха крови – нитью утонченной красоты». Но разве обычной женщине не стоит прислушаться к этим советам? – подумала юная княжна.

Маленькая милая девчушка незаметно становилась привлекательной девушкой. Но раньше она никогда не задумывалась, что, может быть, уже скоро из молоденькой барышни превратится в настоящую женщину. Это пахнущее чем-то приятно-теплым платье, принадлежавшее тетушке Шинджу, сотворило с ней чудо. Мана осторожно провела рукой по ткани кимоно на груди. От прикосновения внутри разлилось тепло. Любимая, жена, мама?.. Вряд ли она когда-нибудь раньше представляла себя в этом образе. Но теперь она чувствовала, что вплотную приблизилась к перерождению... в женщину.

[1] -сама (#) – суффикс, демонстрирующий максимальное уважение и почтение. Примерный аналог обращения «господин», «достопочтенный».

[2] Самурай носил два меча – длинный и короткий. Такая пара называлась Дайсё (букв. «большой и меньший») – катана и вакадзаси. Длинный меч назывался дайто (катана) – 95-120 см, короткий – сето (вакадзаси) – 50-70 см.

[3] Эпидемия чумы, названная «Великой», действительно была в Англии, но несколько ранее, чем сказано здесь. Великая чума (1665 – 1666) – массовая вспышка болезни в Англии, во время которой умерло приблизительно 100 000 человек, 20 % населения Лондона.

Глава VI Суеверие о женщине на корабле подтверждается[1]

– Разве я не говорила тебе, Джеро, чтобы ты оставил меня в покое? – промолвила Шинджу, уперев руки в бока.

Она была бесподобна в этом алом шелковом кимоно. Словно нарочно надела его, чтобы подразнить матроса, осаждавшего ее все эти дни. Щеки женщины порозовели от возмущения. Вот уж совсем обнаглел – среди бела дня ее домогаться!

– Я хочу, чтобы ты была моей. Иначе сама знаешь, что будет.

Страх разоблачения ее козней против племянницы заставил японку умерить ярость.

– Это невозможно, Джеро, если мой супруг нас увидит, то нам не жить, – стараясь быть убедительной, терпеливо пояснила она.

Тот широко ухмыльнулся.

– Мы сделаем так, чтобы он ни о чем не догадывался. Ты находчивая женщина, что-нибудь придумаешь.

– Вынуждена тебя расстроить еще одним известием. Мой лунный календарь, как бы ты не хотел, не позволяет мне удовлетворить твою... просьбу.

Теперь лицо Джеро потемнело от ярости.

– Ты врешь! Я слышал, как ночью ты визжала под этим щенком, к которому ходишь под покровом темноты.

– Следишь за мной, пес? – усмехнулась Шинджу, стараясь держаться на безопасном расстоянии.

Женщина успокаивала себя тем, что он не посмеет ничего сделать при свете дня, на открытом пространстве палубы, на глазах у маячивших то тут, то там членов команды. Ее стала забавлять его ревность и злость. Но вдруг он оказался совсем близко и властно прижал ее к себе.

– Я весь горю!

Сложно было не поверить, чувствуя упершийся ей в живот каменный бугор.

– И мне все равно на твой лунный календарь! – продолжал угрожающе рычать Джеро. – Если ты будешь меня злить, то я возьму тебя прямо здесь, несмотря на то, что ты сейчас не чиста.

Она глядела прямо ему в глаза, ощущая на лице его тяжелое горячее дыхание. Он свирепо скалился, рассматривая ее. Такие манящие губы, которые хотелось терзать жестким поцелуем, такие дерзкие очи... Ее прямота то восхищала его, то неимоверно раздражала. Она и боится, и насмехается над ним одновременно! Однажды уже показав ей свою власть, теперь он не станет терпеть отказов, даже несмотря на ее высокое происхождение.

– Ну и вонь от тебя исходит, – спокойно промолвила госпожа Хоши, будто умышленно еще больше распаляя его агрессию. – И вши наверняка есть.

– Сука! Сейчас я с тобой разделаюсь по-свойски!

Взбешенный Джеро вдруг оттолкнул от себя женщину и она, не удержавшись на ногах, полетела на доски палубы. Вспоминая об этом позже, Шинджу готова была бы поклясться, что моряк собирался избить ее, как последнюю портовую шлюху. Но в следующее мгновение случилось невероятное – рука Джеро оказалась пригвожденной к мачте стрелой. Матрос взвыл от невыносимой боли и попытался вырвать древко из плоти. Однако прошившее его кость и прочно засевшее в дереве острие никак не вынималось.

Шинджу отползла подальше, не сводя глаз с корчившегося в муках человека. Алый шелк ее кимоно казался растекшейся лужей крови. Когда еще одна стрела вонзилась мужчине в шею, и он в последнем судорожном движении схватился за горло, пытаясь защититься, госпожа Хоши вскрикнула и зажала рот ладонью. Однако это не помогло остановить приступ рвоты.

Пережитое в окруженном людьми Токугавы дворце Иоири вновь всплыло пред глазами. Шинджу стала проваливаться в какую-то бездну темноты, не осознавая, что просто теряет сознание. Она не видела, как человек, только что причинивший ей боль, повис, удерживаемый проткнувшей его предплечье стрелой, будто изувеченное на охоте грузное животное. По его одежде растекалась карминными разводами кровь из раны в горле, а из раскрытого рта Джеро обильно текла слюна.

Ихара вряд ли мог бы объяснить, что так взбесило его в тот момент. Да, он видел, как матрос сначала прижимал его любовницу к себе, а потом швырнул оземь. Но столько лет его учили, что самурай должен действовать не эмоциями, а холодным разумом, что ни один его поступок не может быть спонтанным, тем более когда речь идет об оружии. И вот оказалось, что он в мгновение способен потерять самообладание. Учитель всегда говорил ему, что он слишком горяч и ему, более чем кому-либо, следует уметь держать себя в руках. Неужели он так и не усвоил эти уроки и ему не быть настоящим воином?

Касэн осмотрелся по сторонам. Свидетели случившегося – несколько матросов, поправлявших паруса – глядели то на испустившего дух Джеро, то на замершего с луком в руке Ихару.

– Он пытался обесчестить женщину, – коротко и четко произнес тот, ни разу не запнувшись.

Тело Джеро по морскому обычаю опустили в воду. Так как его бесчестный поступок засвидетельствовали несколько человек, капитан предпочел не разбираться дальше в этом деле. Тем более что попытка изнасилования на корабле уже была.

Глядя, как тело ненавистного ей человека погружается в волны, Шинджу внутренне ликovala. «Самая подходящая кончина для такого негодяя!» – думала она. Теперь никто не сможет ничего сказать против нее. Женщина покосилась на застывшего в отдалении молодого самурая. Он стоял обособлено, в стороне от иезуитов и купцов, тоже вышедших на палубу. Те перешептывались, обсуждая произошедшее.

Отправляясь на запад, она хотела сбежать от позора и пережитого ужаса, но все это настигло ее и здесь. Наверное, любая другая уже давно бы проткнула себя мечом. Может быть, и сама она хотела это сделать, даже порывалась уже не раз. Но холодный, сковывающий волю, ужас останавливал. А еще нужно было отомстить за себя и за дочь...

Шинджу вновь поглядела на Ихару. Несмотря на свое истинное отношение к Касэну, госпожа Хоши чувствовала сладкое томление, разливавшееся у нее внизу живота при виде него.

Следующей ночью, когда она лежала на его широкой груди, покрытой темными завитками, то выглядела странно беззащитной. Рука ее нежно гладила его твердый подбородок, а потом коснулась волос, в беспорядке рассыпанных по подушке. Они были мягкими, вились и совершенно не походили на прямые жесткие волосы мужчин, которых она знала ранее.

Ихара уже начал засыпать, когда любовница вдруг оторвалась от него, сначала приподнялась на локте, а потом села. В лунном свете он заворожено наблюдал из-под ресниц, как покачивается ее небольшая грудь.

– Ты должен кое-что знать, – тихо сказала Шинджу.

– Что? – самурай полностью открыл глаза.

Из ее рассказа он понял, что оказался невольно замешан в большую интригу, в которой призван сыграть важную роль. Не только для переговоров о торговом сотрудничестве нужно было, чтобы он тоже отправился во Францию, и не только правила хорошего тона движут теми, кто так настойчиво всегда зовет его на чайные церемонии. Иезуиты прекрасно знали, кто он. И

хотели в том числе и это использовать для расширения своего влияния в Японии, из которой их практически изгоняют. Их цель – просить у короля и духовенства Франции помощи в том, чтобы свергнуть сегуна и сместить их главную религию буддизм, заменив ее христианством. Сам же он, выходит, почти заложник, которого планируют обменять на возможность попасть на прием к Людовику XIV и встречу с французскими церковниками[2].

– Когда ты об этом узнала и откуда? – удивился юноша.

– Давно. Я услышала, как они говорили об этом с моим супругом.

Ихара задумался. Токугава ему враг, и Япония не родина, а все-таки мог ли он такому способствовать, имел ли право? Он знал, что еще в начале века, до того, как христианство в стране подверглось преследованию, более миллиона японцев перешли в эту веру. Но сколько бед принесли иезуиты японскому народу!

Юноша решил, что позже обдумает все это, а сейчас сон улетучился, и вид обнаженной Шинджу вновь пробудил в нем страсть. Его ладонь скользнула по внутренней стороне ее ноги.

– Постой, – женщина положила свою маленькую ладошку на его руку. – Ты же понимаешь смысл того, что сейчас услышал?

– Да, – ответил Касэн.

Но одурманенный вождением и сонной негой мозг молодого человека вообще отказывался сейчас что-либо воспринимать всерьез. Заключив японку в объятия, он прильнул к ее шее губами. Шинджу ничего не оставалось, как вновь окунуться в это даримое им блаженство.

Впервые она была искренна с ним и хотела серьезно все обсудить. Но какие серьезные разговоры можно вести на ложе любви с восемнадцатилетним юношей? А других возможностей поговорить у них не было.

Для женщины пока было загадкой, как именно хотят иезуиты использовать Ихару в своих целях. Кто же он на самом деле, что они возлагают такие надежды на него? На всякий случай пока не следует ничем гневить самурая, решила Шинджу, кто знает, что им откроется во Франции. Тем более что она знала, как лишь женщины могут знать, – желанна ему. Да и он пробуждал в ней страсть, которой она давно не испытывала с мужчинами. И хоть ей уже исполнилось тридцать два, Шинджу была так хороша и соблазнительна, что разница в возрасте между ними практически не ощущалась.

Однако сейчас как ни старалась госпожа Хоши забыть в власти губ и рук Ихары, интуитивное тревожное предчувствие, что они, словно мотыльки, все больше трагически запутываются в огромной паутине, не покидало ее ни на секунду.

[1] Возникновение поговорки «Женщина на корабле – к беде» имеет несколько версий. По одной из них, она появилась, по-видимому, из-за того, что на английском языке слово «корабль» женского рода. Поэтому предполагалось, что она – корабль – будет ревновать членов экипажа корабля к появившейся на нем женщине.

Вторая версия более реалистична. Появление на судне женщины в средние века было нежелательно, потому что из-за малых скоростей хода судов и большой зависимости продолжительности плавания от погодных условий, создавало среди скучающих без женских ласк нескольких десятков членов команды корабля нездоровую обстановку и конкуренцию, зачастую заканчивающуюся в соответствии привычками того времени кровавыми разборками с гибелью моряков.

[2] Здесь описана полностью вымышленная интрига. В XVIIв Японии имело место сильное давление на иностранцев. Их ограничивали во всем, запрещая держать слуг-японцев, запрещая японцам обслуживать иностранцев и даже запрещая выходить японкам замуж за них. В 1641 году их пребывание было ограничено городом Нагасаки. В 1641 году последовал приказ не хоронить больше покойников голландцев, а погружать их в море в более чем 4 милях

от берега, так как посчитал сегун, что христианский труп не достоин земли. При этом торговля с европейскими странами велась.

Глава VII Порт Гавр, переговоры с французами и побег

Весна 1672 г.

Мана прыгнула на землю. После стольких месяцев плавания с короткими высадками в портах ощущение твердой почвы под ногами казалось очень непривычным. И сколько здесь было диких людей! Впрочем, как и везде, в любом порту, в котором им довелось побывать в Португалии, Испании и других странах. Здесь были и мавры, и арабы. Но большинство, конечно, были французами или европейцами других национальностей. Многие бросали на японскую делегацию заинтересованные взгляды. Особенно внимание привлекал Ихара – довольно рослый зеленоглазый юноша со смуглой от долгого пребывания на солнце кожей, длинными темными волосами, стянутыми в хвост, и с двумя мечами и луком за спиной.

Японцев очень гостеприимно встретили французы, которые должны были организовать их размещение в Гавре. А вот встреча с французскими дипломатами относительно переговоров состоится только на следующий день. Если переговоры увенчаются успехом и будет достигнута определенная договоренность, японские гости рассчитывали отправиться в Париж на встречу с королем, для которого везли многочисленные подарки.

Княжна, не скрывая интереса, разглядывала кареты и портшезы, облаченных в пышные наряды дам, сидевших в них, и грязных мальчишек в рванье, бегавших по улицам.

– Мир, в который ты вводишь меня, Ихара, так отличается от того, в котором я выросла! – воскликнула она под действием нахлынувших чувств.

Касэн все время был подле нее. Хотя Шинджу, спустившаяся на берег с таким видом, словно уже находится на приеме у его величества короля Франции, заметила, что теперь он вовсе не обязан охранять девушку, ведь князя Иоири больше не существует. Как и его владений. И что Мана теперь ничего не имеет, кроме титула, да и то вряд ли Токугава после ее побега его сохранил ей. Она бесприданница и непонятно вообще на что рассчитывает – так рассуждала родственница.

– Твой единственный шанс удачно выйти замуж – твоя невинность и красота. Для некоторых мужчин это весомый аргумент, чтобы жениться. Хотя и это нынче сомнительно. Думаешь, во Франции все иначе? – усмехнулась Шинджу, нарочно стараясь ранить чувства племянницы. – Если у тебя нет богатого приданого и титула, то не видать тебе достойного жениха.

Моросил дождь, поэтому служанка раскрыла над головой Шинджу дзыномэгаса – японский зонт из промасленной бумаги, который имели право носить лишь представители аристократии. Как и все вещи госпожи Хоши, ее зонт также был венцом элегантности.

Появление в Гавре японской миссии было настоящим событием. Горожане, ставшие свидетелями прибытия иностранцев, из уст в уста передавали друг другу восторженные отзывы о столь ярком зрелище.

Во время путешествия в экипаже Мана сделала вывод, что Гавр – мрачный и серый город. Не добавляли ему прелести и развезенные от дождя дороги, из-за которых карету нещадно трясло, а также унылый пейзаж за окном.

Ведшиеся вокруг разговоры о торговле, политике и отношениях Франции с другими государствами, которые постоянно затевали члены японской миссии, порядком утомили девушку. Для ее четырнадцатилетнего ума впечатлений в этот день было более чем достаточно. Она задремала и очнулась, когда лошади замерли у ступеней огромного здания из серого камня. Что это был за замок, Мана не спросила. Она была разочарована тем, что им предстояло разместиться здесь. Почему-то прибытие во Францию, которого так все ждали, выдалось довольно унылым и скучным.

Несколько часов спустя юная японка разглядывала из окна французских дипломатов. Карета в сопровождении конной охраны как раз подъехала к замку. Из нее вышли двое мужчин, один из них был полноватым невысоким стариком, а другой – статный брюнет лет около сорока. Он-то и привлек внимание девушки. Малиновый бархатный жюстокор под плащом, обильно украшенный вышивкой, пышное жабо и выглядывающие наружу кружева рубашки ясно говорили о знатности этого господина. Словно заметив на себе чей-то взгляд, незнакомец посмотрел вверх и заметил девушку в розовом кимоно. Сама не зная почему, Мана улыбнулась ему, но тут же, смутившись, отпрянула от окна. Дипломат равнодушно отвернулся и стал подниматься по ступеням к дверям гостиницы.

Ихара же, напротив, в отличие от своей маленькой госпожи, каждой клеточкой впитывал все происходящее вокруг, наслаждался воздухом родины и силился понять, о чем говорят его земляки, пока не догадывающиеся, что перед ними француз. Когда-то он старался повторять французские слова, чтобы не забыть язык, но детская память такова, что он слишком быстро забывал новое и забывал старое. Однако отдельные фразы юноша все же понимал. Он надеялся, что вскоре сможет вполне свободно говорить на родном языке.

Кроме приезда японцев главной обсуждаемой темой был возможный приход к власти в Нидерландах Вильгельма Оранского. С конца 1660-х Людовик XIV вел успешную войну против Соединенных провинций, но назначение Вильгельма, содействующего интересам Англии, штатгальтером, могло поколебать этот успех.

Силясь разобраться в происходящем, Ихара практически не вспоминал о том, о чем его предупреждала Шинджу. Интриги, предпринимаемые как самим сегуном, так и против него, сейчас стали казаться чем-то далеким и не имеющим к нему никакого отношения. Но когда на следующий день выяснилось, что его участие во встрече с французами не предусмотрено, юноша был глубоко поражен. В памяти всплыли слова Шинджу о том, что он словно заложник. Тогда думал, что просто бросила вскользь фразу, рассчитывая позлить, а, оказалось, была права.

Зал для переговоров выглядел далеко не так роскошно, как подобные помещения в Париже, Фонтенбло и даже Руане. Когда японцы, а вместе с ними и двое иезуитов, вошли, французы с интересом поглядели на одетых в кимоно иностранцев. А те в свою очередь рассматривали вышитые камзолы и кружева на одежде хозяев.

Вести переговоры с японской миссией были направлены граф де Вард, а также маркиз де Амальрик. Граф рассчитывал быстро закончить встречу, к которой относился весьма скептически. Король не планировал заключать с японцами никаких соглашений, поэтому в задачу де Варда входило деликатно объяснить им это. Азия была территорией голландцев и португальцев. Хотя торговать с Японией напрямую было гораздо выгоднее, шаткое положение христиан в этой азиатской стране не располагало к плотному сотрудничеству и налаживанию связей. Сам Людовик не собирался встречаться с японскими купцами, что можно было расценить как проявление неуважения. Но ведь и вопрос, с которым они прибыли, не требовал его участия – это была не политика, не военное сотрудничество, а всего лишь торговля.

После того, как традиционно были переданы богатые дары для французского монарха, привезенные из Азии, стороны перешли непосредственно к обсуждению главной темы. Но переговоры шли вяло, японцы с разочарованием обнаружили, что их предложения не вызвали энтузиазма у французов. Медь, серебро, керамика, которую хотели поставлять во Францию японские купцы в обмен на книги, часы, учебники, мало интересовали дипломатов. К тому же политика изоляции, которую вел Токугава, сильно ограничивала возможности европейцев. Гарантируется ли французским торговым судам полная безопасность в морях, омывающих японские острова – задал вопрос граф де Вард. Но слова японского дипломата Сано, что порт Нагасаки, единственный, открытый для европейцев, полностью безопасен, несколько не убе-

дили графа. Он напомнил, какие законы приняты против иностранцев в Стране Восходящего Солнца. На этих словах иезуиты, безмолвствовавшие все время, чуть заметно закивали.

Завершилась двухчасовая беседа решением обдумать все предложения и вернуться к столу переговоров на следующий день.

Вард последним вышел из зала. Дворянин с задумчивым видом спускался по резной лестнице черного дерева, когда его окликнул один из иезуитов. Граф повернулся, вопросительно взглянув на отца Софано. Он не любил алчных и слишком честолюбивых людей, а значит – не любил иезуитов.

– Можем ли мы переговорить наедине, сударь?

– Со мной? – удивился де Вард. – О чем?

Когда тот завел речь о политической и религиозной ситуации в Японии и возможности Франции повлиять на нее, граф насторожился.

– Я не уполномочен обсуждать вопросы политики. Тем более с вами, ведь вы не входите в число дипломатов.

– Граф, ну вы же понимаете, что не политики вершат судьбы государств, хотя сами они в этом и убеждены, – вкрадчиво произнес отец Софано.

Иезуит просил о встрече с королем Франции, но Вард был категоричен. Он сделал жест, дающий понять, что дальше продолжать разговор нет смысла, но тут иезуит неожиданно произнес:

– Когда-то у вас в семье случилось большое несчастье.

Вельможа посмотрел на собеседника холодно.

– Что вы хотите сказать? И откуда вам знать что-либо о моей семье.

– Я хочу сказать, что произошедшее напрямую касается Японии.

– Не говорите загадками. За мою жизнь со мной происходило немало разного рода событий, в том числе и не очень счастливых. Но ни одно из них я не связываю с Японией.

– Помните вашего пасынка, пажа герцога де Бофора, пропавшего лет десять назад? Во время одной из военных экспедиций герцога против берберийцев? После того, как Господь благословил вас сыном, а через три года отнял его, вы решили усыновить ребенка супруги от первого брака с бароном Филиппом де Брионе.

Франсуа даже чуть подался вперед.

– И что? – спросил нетерпеливо он.

– Мы проследили судьбу этого ребенка вплоть до сегодняшнего дня. И вы удивитесь...

– Кристиан Поль жив и вам известно, где он? – перебил граф иезуита.

– Да, жив, все эти десять зим он провел в Азии, а теперь с Божьей помощью может вернуться в ту жизнь, на которую он имеет все права по рождению. Пойдя нам навстречу, вы сможете встретиться с ним.

– Что за глупости, – Франсуа вновь откинулся на бархатную спинку кресла. – Слишком примитивный и дешевый шантаж. Откуда мне знать, что вы не лжете. Даже если все это правда, я не путаю личные и государственные вопросы.

– Ваша супруга придерживается такого же принципа и была бы солидарна с вами? – ехидно улыбнулся церковник.

– Да, – категорично ответил де Вард.

Свою жену втягивать во все это он вообще не собирался, будучи уверенным, что иезуит блефует и ничего не может знать о ребенке.

– Как знаете. Мальчик сейчас так юн... Но что если Господь решит избавить его от тягот земной жизни, и его несчастная матушка так и не узнает, что тот, кого она оплакивала столько времени...

– Как вы можете такое говорить? – граф нахмурился и его чистые карие глаза сверкнули.

– Не только старики умирают, – заметил, демонстрируя грубое притворство, отец Софано. – Все в руках Господних! И мы, и то, что нам предстоит. Да будет Его воля!

Ихара тренировался во внутреннем дворе замка. Не останавливаясь ни на минуту, он выполнял различные удары и приемы боя, стараясь усмирить клокотавшее внутри бешенство. Шинджу, наблюдая за ним с балкона, позвала юношу в свои апартаменты, но, кажется, он вообще не обратил внимания на ее слова.

Лишь увидев не спеша идущего по двору отца Софано, Касэн прекратил махать мечами и бросился к иезуиту.

– Почему меня не взяли с собой? Переговоры должен был вести я!

Тот многозначительно улыбнулся.

– Если вы задумали что-то, то имейте в виду – вам ничего не удастся! – заявил юный воин, сам не подозревая, как метко попал в точку.

Но иезуит невозмутимо повел плечами.

– Ооо, – вздохнул он. – Мальчик... Ты хоть что-нибудь в этой жизни понимаешь?

***

Еще даже не взошло солнце, лишь на востоке небо едва заметно посветлело, когда Ихара бесшумно ступил в комнату Маны. Девушка крепко спала и не сразу отреагировала на прикосновение к плечу. Самурай потряс сильнее.

– Что случилось? – открыв глаза и увидев над собой лицо Касэна, княжна взволновано оглядела комнату.

– Нам нужно уходить. Вот, н-надень это.

Только сейчас она обратила внимание на то, что на нем было не привычное кимоно, а одежда, похожая на наряды местных жителей, но заметно потрепанная. Ей он тоже предлагал надеть что-то подобное.

– Но зачем? И где ты это взял? – прошептала она.

– Объясню потом. Одевайся.

Он отвернулся, пока она, выскользнув из постели, принялась неумело натягивать на себя предложенные им вещи.

– Как это застегивается? – Мана возилась с застежкой штанов и Ихаре пришлось повернуться и помочь ей.

Смущаться и следовать этикету было некогда, поэтому он просто одел на нее все остальные вещи и нахлобучил на голову девушке шляпу, которая явно была ей велика.

Через несколько минут они уже пробирались по спящему зданию к лестнице, стараясь не скрипеть половицами. Лишь оказавшись в нескольких метрах от замка, за деревьями, юная японка позволила себе свободно выдохнуть. Сердце колотилось, как у воробья.

– А куда мы направляемся?

– В П-париж, – коротко ответил Ихара.

– И эта одежда...

– Украдена.

– Но зачем? Что произошло?

Самурай не ответил.

– Между нами ничего не может быть, – убежденно сказала Мана на всякий случай, чтобы предупредить его.

На миг она решила, что юноша хочет похитить ее с не самой благородной целью.

– Я знаю, – также уверенно проговорил Ихара и добавил. – Идем.

Не мог он ей рассказать обо всех своих подозрениях. Смутное предчувствие подсказывало, что его хотят убить. Но бежать один юноша не стал. Ответственность за эту девушку, привезенную им издалека, тяжелым грузом лежала на его мальчишеских плечах. Вспоминал слова Шинджу о приданом и титуле и понимал, что она права – Мана теперь никто, и никто не защитит ее. Одежду он стащил у слуг, а французские деньги – у иезуита Софано, пока тот уходил в часовню на молитву. Ихара надумал ехать в столицу Франции и искать своих близких там. Теперь нужно было добраться до почтовой станции и нанять лошадей или экипаж. Ихара надеялся, что того скудного словарного запаса, который ему удалось сохранить, хватит, чтобы объясниться с извозчиками и хозяевами постоялых дворов.

... И вот они снова скитаются, никому не нужные и всем чужие, словно брошенные на произвол судьбы дети-бродяжки. Когда-то в раннем детстве, наслушавшись рассказов дядюшки-миссионера о Новом Свете, он мечтал увидеть краснокожих, но оказался совершенно в другой стране. Кто бы мог подумать, что рожденный в высокородной дворянской семье, мальчик, которому самой судьбой было уготовано возвращаться в кругах высшей знати, станет слугой и воином, чей каждый день может стать последним. Как же так получилось, что он совершенно не руководит своей собственной жизнью? Сейчас и вовсе он казался себе бегущим, не разбитая дороги, зверем, для которого уже натянута стрела...

В столь непривычной одежде было неудобно, да и мечи и лук наверняка вызывали недоумение у людей, но другим оружием Касэн не владел, и оставить свою катану не мог, ведь самурай, лишившийся меча опозорен.

Имея деньги, добыть лошадей оказалось не трудно. А будучи совсем юными, невозможно добраться в Париж без приключений. Поэтому уже через несколько часов после своего побега из Гавра молодые люди во весь опор мчались по полю, громко хохоча и стремясь обогнать друг друга. Кажется, вовсе не эта девушка когда-то прохаживалась по дворцу в Японии, разодетая в шелка и драгоценности. Сейчас ее было не узнать в худощавом юноше, несшемся, подгоняя лошадь и привстав на стремянах. Ихара нарочно украл для княжны одежду мальчика-слуги, работавшего в замке на конюшне. В женском платье девушка привлекала бы к себе слишком много внимания.

Легко перескочив через ручей, Мана, наконец, натянула поводья, сдерживая бег коня. Рядом загарцевал Ихара на гнедом жеребце.

– А если мы не найдем в Париже твоих близких? – спросила девушка. – Что тогда?

Самурай заметно помрачнел. Он и сам думал об этом. Но ответа на ее вопрос не находил.

– Ты расскажешь мне, почему мы сбежали?

Нужно было сказать хоть что-то. Ведь она доверчиво пошла за ним, и теперь он снова в ответе за нее. Вкратце Ихара пересказал то, что знал сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.